

Елена Барлоу

Музыка Нового Света
Том 2

18+

Елена Барлоу

Музыка Нового Света. Том 2

<https://litres.ru/74030039>

SelfPub; 2026

Аннотация

Продолжение романа «Музыка Нового Света», вторая часть.

После трагедии в школе Эноха Брауна Амелия пытается бороться дальше, чтобы победить собственную тьму, а также отомстить за детей. В этом ей желает помочь пастор Уотерс, знакомый с миром духов индейцев. Отдаляясь от семьи и окружения, что приносит ей лишь страдания, Амелия будет сражаться со своими демонами, даже если цена за победу окажется слишком высокой.

Содержание

Глава 20. Ведьма	6
Глава 21. Гимн путешественника	28
Глава 22. Отмщение	50
Глава 23. За меня не молись	71
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Елена Барлоу

Музыка Нового Света. Том 2

Музыка Нового Света.

Том 2

Глава 20. Ведьма 2

Глава 21. Гимн путешественника 14

Глава 22. Отмщение 26

Глава 23. За меня не молись 37

Глава 24. Proelium 47

Глава 25. Реквием по любви 58

Глава 26. Печаль 69

Глава 27. Оттепель 79

Глава 28. Бог — это женщина 90

Глава 29. Пристанище 101

Глава 30. Нечего терять 112

Глава 31. In nomine Patris 124

Глава 32. Свет камина 135

Глава 33. Перед судным днём 148

Глава 34. Mors praematura 160

Глава 35. Правду дай взамен 172

Глава 36. Синим пламенем 183

Глава 37. Восхищение 193

Эпилог 206

Глава 20. Ведьма

Амелия вошла в хижину, где поначалу ей было трудно дышать. Смешанные терпкие запахи табака, догорающих углей, каких-то специфических масел и мокрой древесины забивали ноздри, к этому просто нужно было привыкнуть. Амелия огляделась, и на первый взгляд казалось, что это было обыкновенное жилище одинокой старухи, где на окнах разноцветное тряпье заменяло шторы, а вместо скатерти на большом дубовом столе красовалось тонкое покрывало, сшитое из ткани разной масти. Мебели здесь оказалось немного, в гостиной почти пусто, кроме кривого камина да двух кресел, и тут же, в месте, похожем на кухню — стол, три косых стула и чёрная жаровня с горой каких-то плошек и котелков.

— Это ты ещё сарай у неё не видела, — ухмыльнулась позади девушки Мегера. — Старая карга сама кроликов и птицу свежует, так что всё самое интересное она хранит там... и у себя в комнатушке. Поди дальше, не ошибёшься.

Амелия никак не отреагировала. Она взглянула на единственную дверь прямо перед собой и сделала шаг вперёд. Бывшая пиратка обошла её слева, громко постучала по косяку кулаком, затем сама отворила перед гостьей дверь.

Будь у Амелии желание и время, чтобы представить себе обитель женщины, которую все в округе именовали то врач-

вательницей, то вещуньей, пожалуй, именно подобная картинка и могла возникнуть в её голове. Небольшая комната со множеством свечей на деревянных подложках, расставленных тут и там; под низким потолком развешаны «силки для снов» различной формы с перьями, шишками и даже цветными камушками; на земляном полу разложены коврики, куски ткани, какие-то склянки, ковши, чашки странной формы, глиняные горшочки с узорами в виде животных; всё это вокруг небольшого очага, обособленного камнями, в котором тлели угли. Искры из него, танцуя, летали в воздухе очень низко и, казалось, не подчинялись законам природы.

Амелии пришлось прижать ладонь ко рту, настолько сильные здесь стояли запахи дыма от каких-то благовоний. Даже Мегера сделала то же самое. Из-за этого Амелия не сразу разглядела среди всего этого внушительного вороха предметов самую хозяйку:

морщинистая старуха с крупным носом и маленькими чёрными глазками, которую с первого взгляда нелегко было отличить от пожилого мужчины. Но эта обладала куда более светлой кожей, чем коренные ленапе. Её длинные без седины чёрные волосы были заплетены в две толстые косы, на лбу красовался алый узор, а в обоих ушах — просто немислимого размера круглые серьги. Одета она была в длинное штопаное платье из оленьей шкуры с клочьями меха на вороте.

Пока вошедшие молодые женщины отдышались, старуха прервала своё занятие, а именно высекание двумя странны-

ми камнями искр над кучкой древесной коры в очаге перед нею. Амелия сжала пальцы в кулак в тот момент, когда её взгляд поймал пристальный тёмный взгляд хозяйки-полукровки. Невольно девушка всё равно ощутила мурашки по коже.

— И вот так она принимает всех, кто к ней приходит, — шепнула Мегера в её сторону. — молодые девицы шугаются, но не уходят, пока не получают своё предсказание или зелье какое-нибудь.

Амелия ей всё ещё не отвечала, даже не смотрела в её сторону, и женщину это явно задело. Она снова задала вопрос о том, зачем та вообще пришла, но ответа не последовало.

— Она плохо говорит по-английски. Так что советую наострить уши. — Мегера хмыкнула и пожала угловатыми плечами. — Звать её, насколько мне известно, Кхолина. Вроде как это означает «птица»...

Внезапно старуха замахала руками, и непонятно, на кого из них. Стала что-то недовольно бормотать на своём, и взгляд её очень ожесточился, когда Мегера начала с нею пререкаться. Хозяйка ткнула в свою сожительницу пальцем и сделала жест ей выйти вон.

— Ладно-ладно! Я постою за дверью! — буркнула бывшая пиратка. — Вот же неблагодарная! Чтоб я еще хоть раз по дому ей помогала...

Мегера продолжала ворчать даже за порогом, её недовольный шёпот можно было услышать и-за приоткрытой двери.

Но всё это Амелия пропустила мимо себя. Она, скорее, с интересом всматривалась в хозяйку хижины, пока та водила руками над очагом, над уже тлеющей в нём корой. А затем Кхолина вдруг произнесла:

— Дэ'э нисайа'давэс^[12]?

При этом она сделала приглашающий жест, чтобы Амелия села напротив неё. Гостья так и поступила, ничуть не заботясь о сохранности чистоты белого платья. Этот внимательный взгляд старой женщины — словно два искрящихся уголька — по-странному ворожил её и будто не позволял отвернуться.

Глухой низкий голос врачевательницы повторил прежний вопрос, но Амелия покачала головой и прошептала, что не понимает её.

— Дэ'одогветха^[13]! — произнесла Кхолина и уставилась в очаг. — Го'оягех.

Го'отсехдо'ох^[14].

Ещё несколько минут Амелии пришлось сидеть перед нею, выслушивая неясную речь, обращённую даже не к ней, а куда-то в землю. Старуха водила руками по воздуху, болтала сама с собой, а на скромные попытки Амелии вставить хоть слово и спросить, наконец, то, что ей нужно, просто рычала в ответ.

Из-за двери, наконец, послышался лукавый смешок. Мегера всё слышала, пока стояла снаружи комнаты и разглядывала

вал лезвие короткого клинка, что всегда и всюду носила у себя на поясе. И Амелия, в конце концов, не выдержала.

— Я пришла к вам просить совета. Или помощи... Честно говоря, сама толком не пойму, зачем именно, но я не понимаю вас, — она повысила голос и уже собиралась было подняться на ноги. — К чёрту это! Мне не стоило...

— Эгойа'дагеха! — рявкнула вдруг Кхолина так внезапно, что Амелия замерла на месте. — Я помогу тебе! Сиди и не двигайся!

Нахмурившись, гостя всё же подчинилась. И не успела она вновь раскрыть рот, как хозяйка протянула руку, схватила Амелию за запястье и повернула её ладонь к себе так, чтобы рассмотреть в свете свечей. Девушка охнула вслух, на что Мегера, притихшая за дверью, незаметно приблизилась и встала в проёме, чтобы всё видеть. И с этой минуты хозяйка не обращала на неё никакого внимания. Кхолина кривила сухие губы, разглядывая что-то на маленькой руке Амелии, которой было весьма неудобно вот так тянуться через очаг, где витали искры, и жаром обдавало лицо.

— Привыкай терпеть пламя, девушка, — ухмыльнулась старуха, не глядя ей в глаза. — Теперь ты никуда от него не денешься.

Благо, через минуту старуха всё же отпустила руку. Затем выпрямилась и стала слегка покачивать головой, отчего многочисленные безделушки у неё на шее стали постукивать друг о друга, создавая ритмичный щёлкающий звук.

— Знаю, чего хочешь. Чего так жаждешь. — Кхолина по-свиному моргала да всё качала головой. — Мести хочешь. А чтобы мстить... тебе нужна сила. Большая сила, не как у многих. А так, чтобы огонь внутри тебя испепелял подчистую...

— Ах ты, карга старая! Дурить меня вздумала! — ввалилась неожиданно Мегера, сжимая кулаки так, что вены на руках выступили. — Сколько раз я к тебе обращалась, сколько раз пыталась поговорить, а ты, оказывается, спокойненько чешешь на английском?! Мерзкая, чокнутая...

— Если бы я говорила по-прусски, как маменька моя, тебе бы понравилось больше?

Мегера от такого ответа вовсе рассвирепела. Когда она начала ругаться посвоему, как Амелия знала и помнила ещё со времени плаванья через Атлантику, старуха даже виду не подавала, что все эти проклятья и обидные эпитеты её задевали. Она просто улыбнулась, обнажив ещё крепкие белые зубы, и язвительно произнесла:

— Вот поэтому я и не хочу с тобой разговаривать, бесовская дочь. Иди-ка ты, делами займись. У меня с рыженькой долгий разговор будет...

Женщина еле-еле успокоилась достаточно, чтобы выйти за дверь с остаточными ругательствами, но без рукоприкладства. Амелия проводила её взглядом, пока Мегера не скрылась в глубине плохо освещённой гостиной, и подумала, что, как и прежде, бывшая пиратка привыкла к вниманию и ис-

полнению своих нужд, а когда не получала желаемого, начинала злиться так, что на неё и смотреть боязно было. Вот и теперь она злилась. У Мегеры больше не было любимой команды моряков, помощников и вечных собутыльников. А хозяйка дома явно не собиралась становиться её подругой.

— Она остынет, ты не волнуйся, — услышала Амелия и снова взглянула на Кхолину, которая сейчас улыбалась довольно жутко. — Очередная чужеземка, обиженная и оскорблённая. Она не такая, как вы, белые захватчики... Ох, нетнет, не возражай! Я твой народ знаю, сполна сыта им! Сколько вы горя принесли на эту землю, кровью её залили, чудовищ из нас сделали. Эти грехи вы и за триста лет не замолите... Я сама из такого греха появилась.

— Я сюда не землю вашу отбирать приехала, — сказала девушка, упрямо глядя ей в глаза. — Я никому зла не желала. Не хотела, чтоб кто-то умер, но...

— Но они умерли! И ты уж не отрицай, дочь варваров! — старуха погрозила ей костлявым пальцем. — Не отрицай, что ты из рода завоевателей, которые адским пламенем сметали всё на своём пути! У тебя на челе написано, дитя, призывать смерть. Она за тобой повсюду идёт, а ты не можешь с нею бороться...

Амелия твёрдо намерилась выдержать всё, что бы ни сказала эта женщина. И всё равно напоминание о далёких предках заставило её сердце стучать быстрее, огонь негодования внутри стал разгораться, и казалось, что старуха заметила

это по её ожесточившемуся взгляду. Как хитро она улыбнулась, словно заподозрила что-то, скрытое от человеческого глаза. Но Амелия молчала. Пути назад не было.

— Ты догадываешься, что я много знаю. И именно поэтому ты здесь, — пробормотала Кхолина. — Прибыла сюда, за океан от родного дома, за человеком, которого тебе посылали в ведениях. Думала, что отыщешь здесь свободу и счастье... Но ты оказалась всё в том же Аду, откуда бежала. Только место поменялось...

— Ты pomoжешь мне или нет? — не сдержалась Амелия, повысив голос.

Усмехнувшись под нос, старая хозяйка оглядела пространство вокруг себя, вытащила откуда-то кусок дублёной кожи, положила перед собой, затем голыми руками, прямо из углей, вытащила головешку и размолочила её пальцами.

— Силу захотела... Такую, чтобы всех врагов уничтожить... — бормотала она, рассыпая пепел над куском кожи и разглядывая там что-то. — А ты уверена в этом?

— Да, я уверена.

— А выдержишь ли ты?

— Да.

— Высокую цену придётся заплатить. Иначе ничего не получится.

Амелия хотела сказать, что ей плевать на то, чем нужно пожертвовать. Что любая цена невысока, лишь бы все, кто истязал её, кто убил детей и мистера Брауна получили по за-

слугам. Как вдруг она увидела, что тени мелькнули по неровным стенам комнаты. Резвые, быстрые, они закружили под потолком, а затем так же внезапно рухнули, объединившись, слившись в поток, в то место над очагом, где в воздухе мелькали искры. Вскрикнув, Амелия в ужасе подскочила и рванулась прочь, ударившись спиной о стену вблизи двери.

Она уже не видела, с каким нескрываемым любопытством старуха разглядывала её, следила за ней, потому что девушке пришлось закрыть лицо руками. Дрожащая, со сбившимся дыханием, она долго не могла прийти в себя. А потом, отняв, наконец, от лица ладони, огляделась и поняла, что не было рядом никаких неясных теней. Только старуха водила рукой над тлеющими углями.

— Не в моих силах помочь тебе, — произнесла она неожиданно печальным голосом. — Только направить тебя к тому, кто может. А впрочем... ты и сама давно уже знаешь, у кого искать спасение.

— О чём вы? Кто это?

Небрежным жестом Кхолина махнула рукой на дверь:

— Он там. Ждёт тебя много лет. Человек в чёрных одеждах. Он тебя всегда ждал.

Она не могла поверить в то, что услышала. Едва Амелия восстановила дыхание, она стала судорожно перебирать в памяти обрывки сцен из прошлого. Когда дома, в Шотландии, её преследовали кошмарные видения о пугающем чёрном фантоме. Она думала, что это был вестник смерти, обратив-

шийся, в конце концов, в Томаса Стерлинга... в Диомара... Но она увидела его снова, теперь уже здесь, в Новом Свете, по прибытии в Пенсильванию, и прежние кошмары словно растеряли смысл.

Она сама стала терять нить всей сути видений. Игра воображения? Призраки прошлого? Издёвка её собственной памяти?

— *А может быть, старая карга права? И этот человек... кем бы он ни был... вёл тебя сюда с самого начала? Ты просто ошиблась. И Томас никогда не был твоим Фантомом.*

Амелия глухо вздохнула, услышав знакомый голос, раздавшийся где-то слева, из угла. Она скосила туда глаза и, заметив высокую тень в капюшоне, всхлипнула, потому что она снова нашла её. Амелии хотелось разрыдаться. И плевать, что старуха увидела бы её такой.

Снова прозвучал голос Кхолины, которая в это время внимательно смотрела на свою растерянную, испугавшуюся гостью:

— Тебе всё ещё страшно. Но если желание мести настолько сильно, насколько ты веришь в это, придется пересилить страх. Иди к тому человеку, потому что только он один знает, как дать тебе то, чего ты жаждешь больше всего на свете.

Амелия устало воззрилась на неё и повторила, еле шевеля губами:

— Чего я хочу больше всего...

— Да. И не бойся теней, дитя. Ты не понимаешь этого, однако... Вся ты, вся твоя суть пришла в этот мир из тьмы. В ней ты и найдёшь спасение. Во тьму ты и уйдёшь. — И старуха вдруг отмахнулась от неё, как от назойливой мошки. — А теперь иди! С тобой в мой дом пришло много злых духов. Они высасывают из меня силы!

Поражённая, с похолодевшими руками, девушка даже не чувствовала своего тела, словно оно вмиг сделалось чужим. Опираясь плечом о стену, она отвернулась от старой хозяйки, сделала два шага к приоткрытой двери, и вдруг, уже положив руку на деревянную поверхность, услышала:

— Внимай хоть иногда тому, что *она* говорит. Не вся её речь вредит. Это твоё бремя... Так обрати его в оружие.

— Так вы что... — чуть ли не запинаясь, спросила Амелия, — вы сейчас тоже её видите?

Одарив её пугающе коварной улыбкой, старуха Кхолина сторбилась и спрятала руки в широких рукавах своего платья.

— Беда в том, дитя... что я вижу их постоянно.

С этим странным, почему-то внушающим горечь и тоску ответом, старуха прикрыла глаза и стала напевать себе под нос что-то на языке ленапе. Девушка буквально заставила своё тело двигаться. Она в последний раз вдохнула терпкий запах этого жуткого дома и поспешила наружу.

Узнав о том, что сестра посетила врачевательницу-полу-

кровку, Джон не на шутку разозлился. Он посчитал, что yakшаться с подобными личностями, тем более после всех пережитых трагедий, для Амелии выйдет боком. Так он ей и сказал однажды за ужином. Сестра же, в последнее время притихшая и задумчивая, заверила его, что с ней всё будет в порядке. И чтобы он не беспокоился попусту. А молодой человек не собирался униматься.

Магдалена наблюдала их разговор со стороны с удручённым видом, ведь дети МакДональд никогда прежде не ругались. Джон, повысив голос, настойчиво просил сестру бросить «все эти шаманские штучки» и ждать новостей от Томаса в спокойствии и отдыхе. Амелия на его краткую речь отвечала обрывистыми тихими фразами о том, что она сама разберётся.

В конце концов парень резко встал из-за стола. Швырнул ложку мимо тарелки, поглядел на сестру со злостью и процедил:

— Я знаю, тебе было тяжело. Я знаю, что от такого нельзя сразу излечиться. Но я тоже видел... многое, ясно? Мне тоже тяжело! И больно смотреть, как ты выбираешь нырять в пучину вместо того, чтобы держаться от неё подальше!

Амелия сидела прямо, опустив глаза на стол, словно испачканная в похлёбке скатерть привлекла её внимание. Джон смотрел на неё и хотел ещё многое высказать, но не стал. На душе у него было погано. Не только потому, что сестра ускользала куда-то, снова замыкаясь в себе, обращаясь при

этом к старухе Кхолине, а не кому-то из докторов... Но ещё и потому, что считал себя слабаком, который не был способен помочь единственной близкой душе. Ему казалось, что они отдалились после резни в школе, и это тоже его пугало.

Этот болезненный нарыв должен был когда-то вскрыться. И боль, обида и отчаяние в облике злости хлынули наружу, из-за чего ему хотелось одновременно помочь сестре и задеть её. На миг Джон подумал, не стал ли он похож на Диомара в этот момент. Эта мысль ужаснула его. Джон уважал Томаса, но ещё злился на его личность пирата. Это было странно, и в то же время сердцем он всё понимал.

Перед тем, как уйти на чердак, парень заставил себя успокоиться и сказал:

— Всё, что случилось с тобой... уже случилось. Я хочу, чтобы ты это отпустила, Амелия. Пусть через силу, пусть нехотя. Потому что боюсь за тебя. Ты единственное, что у меня есть. Пожалуйста, давай просто... жить.

Поскольку она, продолжив глазеть в одну точку, так ничего и не сказала, он разочарованно вздохнул и оставил её и бонну одних.

Со следующего дня Джон Смитт стал чаще заходить в местную таверну и задерживаться там дольше обычного. Дела на лесопилке шли неплохо, торговля с соседней провинцией могла бы процветать, если бы не конфликты с индейцами на границах. Но Джон усердно работал и получал свою честную плату, которую тратил на хозяйство, а с недавнего

времени и на выпивку. Пил он не то, чтобы много, просто стал слегка привередливее. Шальная жизнь пирата и кочевника давно осталась позади — остепенившись в Пенсильвании, Джон всё же стал привыкать к некоему постоянству.

Очередной августовский вечер принёс на дорогу запахи скошенной травы и влажной земли; парень направлялся с лесопилки напрямик в таверну. Это была деревянная двухэтажная питейная с огромным гостевым залом, где были размещены и столы, и широкие бочки, обитые железом, дубовая стойка с большой печью позади неё, и имелось даже немного места для любителей размять кости под бряканье чьей-то гитары или визг шотландской волынки.

Юный Смитт вошёл, как всегда, в час наибольшего скопления гостей. Запахи жареной рыбы, пунша, разлитого на пол пива и результата чьих-то «обильных излияний» мигом ударили в нос. Но он привык, и спокойно протиснулся мимо двух уже покидавших питейную девушек. Джон знал их так же, как знал всех представителей молодёжи в Фоллинг Спринг — мельком и без интереса. А вот юные дамы подолгу не сводили с него глаз по понятным причинам.

Джону шёл уже девятнадцатый год, он заметно возмужал. На широком лице выделялись скулы и мощный подбородок, крупный нос с едва заметной горбинкой и большие глаза такого синего цвета, что у любой неискушённой молодой девушки дух захватывало. Прежде, ещё по прибытии в Новый Свет, Амелия не раз говорила, что брат похож на мать, а та

была настоящей черноволосой красавицей. При этом мужественные черты лица придавали Джону некую твёрдость и суровость образа. Так что каждый раз, когда он замечал очередную глазающую на него девчонку, он понимал, о чём она думала. Да и он думал тоже. Однако на продолжительные романы у него не хватало уже ни времени, ни сил. Из-за забот и волнений о сестре не было даже желания, присущего любому молодому мужчине.

Порой ему хотелось просто встать у бочки, поодаль ото всех, заказать пива и унести в неясные воспоминания о морском просторе.

Нынче в таверне было громко. Несколько знакомых Джону мужиков собрались — кто у стойки, кто за большим столом — за обсуждением дел насущных. Обычно это были новости с запада. Читали газету или передавали вести от родственников военных. Джон знал, что Стерлинг находился где-то в форте Ниагара на подготовке к переговорам, которые, несомненно, если состоятся, приведут к очередным военным экспедициям. А всё это означало, что вернётся он нескоро. Джон восхищался бы деятельностью Стерлинга, если бы не состояние Амелии и её пугающе апатичное отношение к отсутствию мужа. Казалось, всё катилось к чертям...

Как только все политические новости были обговорены, и едва большинство женщин покинули заведение, остались лишь с десятков подвыпивших мужчин, три дамы из их жён, владелец и его двое работников. И, разумеется, Джон, смир-

но стоявший у бочки там, где почти не падал свет свечей.

— Одна беда за другой с тех пор, как эти — бесовские! — из Шотландии приехали! Землю казённую им раздали по всей провинции, и за что?! — восторженно воскликнул вдруг коротышка в пропитанном пивом камзоле; Джон часто сталкивался с ним на лесопилке. — За ними, говорят, сам Георг, Дьявол его задери, своих шпионов через океан посылал.

— Да не догнал! — засмеялась его соседка. — Уж бегать они умеют. Почти пять лет убегали от короля. Слышала, что бедняга Стерлинг на запад стремился, и не свезло.

— Это нашему городишке не везёт с гостями! Говорю же, проклинали они нас!

Другой рослый мужчина, фермер из большой семьи Кинг, громко брякнул пустой кружкой по деревянной стойке и с недовольством зыркнул в сторону возмутителя.

— Ты эти бредни выбрось из головы! — сказал он.

— А что, нет?! То скотину уведут, то ленапе чёртовы нападут! Вашу же кухню и прикончили... — и пьянчуга наскоро перекрестился. — А потом детишки!

— Закрой-ка ты рот свой поганый, — произнёс хозяин таверны. — Не напоминай хоть сегодня.

— А если он прав? И ста лет не прошло с той поры, как на побережье судили ведьм! — чуть не взвизгнула молодая супруга мистера Осборна, тоже фермера. — Кто знает, может быть, нас та же кара настигла, и с этими пилигримами к нам Дьявол явился. Взять хоть ту девицу, миссис Стерлинг...

Джон при упоминании о сестре ощутил скрежет собственных зубов. Он сжал в правой руке кружку и продолжил прислушиваться к разговору. Остальные же кто захихикал, кто отмахнулся, а кто и всерьёз задумался над словами о ведьмах. Во всеобщем галдеже прозвучал басистый голос третьей дамы, жены одного из присутствующих:

— Кумушка, вы, видимо, забыли, что тамошний суд признал свою ошибку, а обвинительница Энн Патнам и вовсе заявила, что невиновных подставила. Вот уж кто был настоящим Дьяволом! Из-за неё и подобных ей столько народу уморили зазря.

— Вы, дорогая, не верите в силу святой церкви? И кто скажет сейчас, что всё это было ложью?

— Ты бы пил поменьше, забулдыга! Хватит нести этот суеверный бред! Нет у нас здесь ведьм...

Снова поднялся шум, мужики наперебой стали спорить о «неслучайных совпадениях», а женщины обсуждать полукровку Кхолину и её шаманские проделки, о которых в поселении множество слухов ходило уже на протяжении нескольких лет. Джон продолжал прятаться в тени. Он уже изрядно захмелел, допив последнюю порцию пива, но ухо держал остро и с места не двигался.

— А по мне так беда, что эта рыжая девица вернулась, — не унимался коротышка; глаза его недобро сверкали, и ещё двое мужчин закивали ему в ответ. — Выжила в резне, побывала в плену, и хоть бы хны! И вы мне, честные госпо-

да, говорите, что здесь обошлось без чертовщины? Не может молодая баба одна справиться с толпой ленапе!

— Это да, я всегда думал, что она подозрительная...

— Вы глаза её видели в то воскресенье в церкви?! Бесовская дочка, не иначе! Я, было, думал, она молнии метать начнёт!

— И как это её, по-твоему, святая земля пропустила в церковь, если миссис Стерлинг ведьма?

— Как-как! Значит, с Дьяволом договор сильный. А как иначе она выжила? И преподобный Уотерс туда же! Святой человек опекать её принялся! Сам пострадает от этого.

— Ах, оставьте его! Он всегда был наивным и добросердечным...

— Говорю вам, господа, рыженькая без муженька своего нам теперь житья не даст!

Кто-то попытался было ему возразить, однако пьянчуга сплюнул на пол, мимо урны, и решил придать своему неказистому иссушенному лицу мученическое выражение:

— Надо было пастору её в лесу оставить. Помяните моё слово, аукнется нам всё это...

Что именно и кому должно было аукнуться, коротышка так и не успел сказать. Джон сорвался с места и налетел на него сзади, схватил за ворот и так сильно дёрнул на себя, а затем, словно неодушевлённый мешок, бросил на пол, что в руках у парня остались лоскуты старенького камзола.

Женщины вскрикнули, мужики же расступились от

неожиданности. А Джон, чьё лицо от ярости пылало, набросился на пытавшегося приподняться пьяницу, который тоже ничего поначалу не понял. Парень придавил его собой и стал дубасить так, что вскоре вовсе перестал ощущать удары. Кулаки будто налились свинцом, а перед помутнённым взглядом расплывалось всё: обессиленный коротышка, скрючившийся на полу, ноги обступивших их свидетелей, чьи-то чужие мешавшие бить руки, и невесть откуда взявшаяся кровь...

Остановить Джона удалось лишь двум самым сильным мужчинам. И то одному из них пришлось врезать ему по лицу. Удар пришёлся куда-то в скулу и мигом отрезвил его. Вот так он осознал, где находился и что делал. Странно, но никто и слова грубого ему не сказал. Едва парень утихомирился, державший его под руки сосед тут же отпустил, и Джон, пошатываясь от хмеля и боли, побрёл вон из питейной. На побитого коротышку он даже не взглянул.

Амелия тем вечером ещё не легла спать. Она сидела в кухне, перед свечой, и перебирала высушенные травы, когда Джон ввалился в дом, чуть не споткнувшись о порог. Сестра тут же подскочила и вышла к нему навстречу изза шторки, разделявшей комнаты.

Они смотрели друг на друга около минуты, и каждый думал о своём. Потом Джон сам добрался до кухонного стола и уселся на стул со вздохом столь тяжким, словно ему было уже под сотню лет. Амелия ничего не сказала. Он не смотрел

на неё, не видел её лица. В следующий раз, когда Джон очутился от забытья, она уже стояла рядом, приподнимая рукой его подбородок, чтобы нанести на распухшую щёку какую-то пахучую мазь.

Вот теперь Джон видел её глаза. Внимательный, осознанный взгляд «малахита». И не было в нём никакой чертовщины. Припомнив слова пьяного мужика из таверны, Джон вслух выругался. Амелия отреагировала на это слабой усмешкой.

— Они говорили о тебе, — буркнул парень и зажмурился на миг от прилива боли. — Они говорили гадости, и я навалил одному наглецу. А надо было всех поколотить. Я даже за твою честь заступиться не смог!

Ему показалось странным, что она снова улыбнулась. На этот раз куда искреннее, никакой фальши или стеснения. Нанеся мазь брату на щёку и скулу, она отложила баночку в сторону, затем ласково погладила его по спутанным волосам. Ещё раз и ещё. Очередное странное ощущение возникло в его душе: Джону неистово захотелось плакать.

Он низко опустил голову так, чтобы Амелия не увидела, как его большие синие глаза увлажнились. Затем его макушка прижалась к её животу. И так она обнимала и успокаивала его ещё долго. Потом Джон ушёл спать и в ту ночь так и не узнал, что немного ранее пришло долгожданное письмо от Стерлинга, в котором он, по большей части, просил у жены прощения за отъезд, извещал, что был вполне здоров, а пе-

реговоры с племенами затягивались из-за их нежелания собираться вместе и выслушивать условия белых...

После очередной воскресной службы Амелия и Магдалена вернулись в дом, и бонна принялась за готовку. Амелия же переоделась и известила няньку о том, что сегодня её вновь ожидал пастор Уотерс. Она решилась, наконец, с ним побеседовать, излить, так сказать, душу, и наверняка разговор будет тяжёлым и долгим. Обрадованная Магда вмиг потеряла всякую бдительность и отпустила Амелию назад, в церковь.

Преподобный Генри Уотерс после службы завершил четыре исповеди и коекакие бумажные дела. Остальное вверил своему викарию. Сам же после полудня спустился с кладбищенского холма позади церкви по тропе, что вела дальше, в лес, и стал ждать. Амелия явилась почти без опоздания. Он увидел её, шагающую уверенно в сторону кладбища, и удовлетворённо улыбнулся.

День обещался быть пасмурным, благо, пока без дождя. Амелия надела выдавший лучшие времена жакет для верховой езды из шёлка и льна, чёрные бриджи брата и высокие сапоги, оставшиеся ещё со времени плаванья через Атлантику. Она не помнила, но, возможно, их ей тогда подарила Мегера... Тяжёлый шерстяной плащ с капюшоном скрывал её от шеи до щиколоток, так что местные не разглядели бы под ним этот неподобающий леди наряд.

Амелия шла на встречу с тревогой на душе, но уверен-

ность в тёмном взгляде Генри Уотерса почему-то мигом придала ей сил. Она замедлила шаг, но, в конце концов, оказалась с ним лицом к лицу у кладбищенской ограды. Преподобный оглядел Амелию с головы до ног и кивнул сам себе, будто убедившись в чём-то. Затем протянул ей руку, затянутую в перчатку.

— Идёмте со мной, — произнёс он почти повелительным тоном. — Я обещал вам помочь, и я сделаю это. Отсюда да начнётся наше восхождение.

Что-то неясное мелькнуло в мыслях Амелии, но теперь было не до самокопания. Неуверенность и страх пора было отбросить назад. И сворачивать уже нельзя.

Он велел ей идти за ним, и она подчинилась.

Глава 21. Гимн путешественника

А что, если наша Земля — ад какой-то другой планеты?

Олдос Леонард Хаксли

Они спустились с холма дальше, углубившись в дебри тёмного прохладного леса. Амелия шла на несколько шагов позади мужчины и сразу же заметила, как удачно он выбирал путь. Куда ступать, чтобы не споткнуться или провалиться в какую-нибудь нору. Самые заросли он обходил точно по наитию, так что ей не пришлось продирааться сквозь сплошные кусты, несмотря на отсутствие тропинки. Генри Уотерс словно знал этот лес наизусть.

В молчании они провели около пятнадцати минут пути, затем Амелия услышала всплеск воды. Шум потока становился всё громче. Так они вышли к ручью, где на берегу к поваленному бревну была привязана деревянная лодка с неглубоким дном. Пастор без лишних слов принялся отвязывать её и готовить вёсла. Вообще-то он вёл себя слишком естественно и непринуждённо для прогулки с безумной женщиной, которой вызвался помочь, при этом она сама едва ли понимала, что их ждало. Амелия лишь догадывалась, что это было связано с его знакомыми из племени сенека. Теми самыми, что отыскиали её после кошмарного побега, который

ей уже не забыть никогда.

— Преподобный, а разве мы не на север направляемся? — решила поинтересоваться девушка. — Течение ведь унесёт лодку на юг, к границе с Мэриленд.

Уотерс как раз успел развернуть лодку бортом вдоль берега. Он скрутил канат, бросил его внутрь, затем выпрямился, и Амелия встретила его искрящийся взгляд. Мужчина улыбался, и, как и много раз прежде, она находила его улыбку каким-то сверхъестественным явлением, полностью преображающим это обычно суровое лицо.

— На юг мы и направляемся, — ответил он. — В Гранд-Пойнт. Это как раз недалеко от границы. Не волнуйтесь, по воде путь займёт не больше двух часов. В остальном же я надеюсь вернуться уже к ночи.

Хоть он и говорил уверенно и мягко, сама мысль, что придётся путешествовать допоздна, пусть и с сопровождением, не на шутку взволновала Амелию.

— К ночи? Простите, но я не рассчитывала, что дорога так затянется. Я ничего не сказала своим родным... А Джон... Он просто с ума сойдёт, если я вдруг...

— Вам не о чем волноваться. Если вы доверились мне и согласились прийти, я уверяю: ничто в этой поездке вам не грозит. Я об этом позаботился. А всё остальное просто неважно.

Улыбаться он не перестал, но этот заметно ожесточившийся тёмный взгляд дал ей ясно понять, насколько он был

серьёзен. Амелия невольно вспомнила слова Кхолины и свои видения. Если ей хочется завершить задуманное, отомстить и покончить с кошмарами — нужно довериться тому, кто явно понимает в этой земле больше, чем она.

Амелия кротно улыбнолась в ответ, а когда Уотерс протянул ей руку, она крепко сжала его пальцы. Он помог ей забраться в лодку, оттолкнул за борта подальше от берега, затем запрыгнул сам. Плащ его взметнулся, словно раскрытое воронье крыло; от движения лодка покачнулась, но воду так и не зачерпнула, чему Амелия была весьма рада. Пастор тут же взялся за вёсла, и через пару минут они выровнялись, уносимые течением ручья Конокочиг.

Поначалу было непросто: сосредоточиться, взять себя в руки, по-настоящему довериться неизвестности, что ждала её впереди, ведь кроме слов обещания Амелия ничего не имела. Около получаса прошло в обоюдном молчании. Изредка она посматривала на этого невероятно странного мужчину. В её понимании церковники были угрюмыми, прямыми, как жерди, и до одури правильными. Генри Уотерс бывал угрюмым, разумеется. А по остальным характеристикам не подходил под её личные представления о божьих служителях.

Он высокий, молодой и темноволосый. Телосложение крепкое, широкие плечи, и ноги длинные. Ещё во время репетиций злополучной пьесы в доме мистера Аллена Амелия нет-нет да обращала внимание на то, как он отличался от

обычного себя без церковного одеяния. На богослужении и вне его пастор предпочитал носить наряды чёрного цвета, никаких светлых стихарей или альбы. Только сутана и белый галстук с двумя свисающими концами.

Он и сейчас словно скрывает себя от всего мира, как делает это постоянно. Она уже догадалась, что человек он непростой, со своими тайнами. Возможно, он увидел в ней родственную душу, товарища по несчастью, и поэтому решил опекать.

Амелия в смущении отворачивалась, чтобы осмотреть местность, где они проплывали, однако всё равно её взгляд возвращался к нему. Мужчина тоже смотрел на неё, уголки его губ нервно дёргались, словно он силился улыбнуться. На самом деле он разглядывал Амелию куда дольше, чем ей казалось. И в какойто миг, когда жёлто-зелёный лес по обоим берегам ручья прекратил привлекать её, девушка кивнула на лежащую под скамейкой сумку и спросила:

— Что у вас там, преподобный? Не слишком большая поклажа для оружия или тёплых вещей.

Он ухмыльнулся, сделав ленивое движение руками, держащими вёсла:

— Там кое-что съестное, на случай, если вы проголодаетесь по дороге в селение. Кстати о голоде. Что скажете?

Амелия покачала головой, встретив его пристальный взгляд, почему-то показавшийся ей вдруг по-странному интимным. Мысль о том, что она осталась наедине с мужчи-

ной в незнакомой местности, где, в противном случае, никто ей не поможет, давно уже посетила уставшую рыжую голову. Однако стоило ли додумывать последствия этих возможных «противных случаев»? Как Амелия ни старалась, удивительно, но ничего опасного связанного с этим человеком она представить не могла. Или не желала.

— Вам нравятся эти места? — спросил вслух пастор Уотерс. — Только взгляните на деревья! Не устану поражаться их разнообразию, ярким краскам, формам. Пожалуй, если доживу до старости, всё равно эти леса мне не наскучат. У этой земли много достоинств, и одно из них, уверяю вас, это природа!

Ненароком Амелия улыбнулась, проследив за его повеселевшим взглядом. Леса вокруг действительно завораживали. Отсюда, из низины, можно было разглядеть далёкие пики девственных дебрей, покрывавших западные холмы. Ручей бежал торопливо, но не бурлил, не ударял лодку о выступающие камни, а плавно нёс на поворотах, так что пастор лишь иногда брался за вёсла, направляя лодку.

— Уверен, что горные красоты с их зеркальными озёрами в Шотландии не менее прекрасны, — продолжал он будничным тоном, — но я уже так привык к этой земле, что не представляю себя где-то ещё. Вам нравится Фоллинг Спринг, Амелия? Или побережье для вас более привычно...

— Зачем вы это делаете?

На её внезапном вопросе он запнулся, удивлённо захо-

пав глазами, и тут же умолк. Всё та же блуждающая улыбка на губах, те же расслабленные движения рук, но Амелия уловила перемену в его настроении. Он пытался отвлечь её, и попытка оказалась прервана. А ей нужно было знать больше. Нужно прямо сейчас.

— Делаю что именно? — прозвучал встречный вопрос.

— Помогаете мне.

— А разве не понятно?

— Сомневаюсь, что вы опекаете столь же рьяно каждого своего прихожанина. Вы всегда были ко мне внимательны, и я не совсем...

На его лице мелькнуло, пусть и едва заметно, странное выражение почти скорби или недовольства. Около минуты мужчина молчал. За это время тучи над ними расступились и пропустили к земле тёплые солнечные лучи. Генри Уотерс зажмурился ненадолго, перестал грести, оставив вёсла в уключинах, затем, наконец, посмотрел на Амелию пристально, без лукавства.

— Вы считаете, что я всё это делаю только потому, что мой сан обязывает протягивать руку попавшему в беду?

— Я думала, вы пожалели меня, когда поняли, что я нездорова.

— Что ж, я действительно пожалел вас. Однако всё это не связано с одной только жалостью. И вы прекрасно знаете, о чём я говорю.

Она, было, раскрыла губы, чтобы возразить или хотя бы

попытаться что-то противопоставить, но его взгляд уже нёс в себе все ответы. Таким искренним он казался и уязвимым, словно неопытный пятнадцатилетний мальчишка, что Амелия почти испугалась. Чего именно, и сама не поняла, однако первым, что пришло ей теперь на ум — был их поцелуй на сцене. Поцелуй Прозерпины и Плутона, который зажжёт в ней неясную искру. Она напугала её, ошеломила, но Томас сделал всё, чтобы потушить её. И на какое-то время Амелия забыла об этом, смирилась с невнятными объяснениями пастора... А ей нужно было понять ещё тогда, нужно было догадаться по его взгляду, по его частому неровному дыханию.

Теперь, наедине с ним, посреди диких лесов и неизвестности, почти согретая лучами солнца, она всё осознала. Он заметил это по выражению её лица, по её растерянности. Генри Уотерс улыбнулся, как улыбался бы приговорённый к смерти преступник, пришедший на виселицу, и произнёс:

— Вот теперь всё на своих местах. Да, пожалуй, этому суждено было случиться однажды. Так или иначе. Но сегодня я рад, что вы знаете.

Он дал ей время прийти в себя. Просто освоиться с пониманием того, что этот мужчина был в неё влюблён. Амелия долго не могла найти, что сказать. И нужно ли было. Когда солнце снова скрылось за тучами, она подчерпнула в ладонь немного воды и освежила лицо и шею. Так стало полегче. Потом она произнесла:

— Всё это так... это нелегко и в то же время... я чувствую,

словно так и должно быть.

Мужчина небрежно пожал плечами.

— Вы меня совсем не знаете. То есть... конечно, по сравнению с другими людьми вы заглянули куда глубже, чем они... только вот я всё равно не совсем понимаю, как вы можете любить меня?

Он посмотрел на неё, на её порозовевшие от смущения щёки, на приоткрытые губы. Усмехнулся почему-то, и в карих глазах вдруг сверкнул огонёк, какой Амелия прежде ещё не замечала.

— Как можно вас любить? — переспросил он бесстрастно. — А как не любить? Я вас только увидел и погиб в ту же минуту. Как вы это объясните? До вашего появления я существовал в однообразной серости, Амелия. Но, встретив вас, вдруг почувствовал неистовое желание жить. Я просто понял, что люблю вас. Люди используют именно это слово — любовь, да? — когда им нужно оправдать неизмеримую жажду другого человека. И я вас жажду.

Он сделал паузу, чтобы вздохнуть. Она видела, как нелегко ему давались эти слова, и вместо того, чтобы испугаться или возмутиться, почему-то ощутила ещё большую жалость... и понимание. Ей была знакома эта жажда. Она тоже чувствовала её, всё началось ещё в детстве, с отца. Потом граф Монтро, потом был юный Томас Стерлинг и, в конце концов, Диомар. Она всегда жаждала их любви. И всегда оставалась без неё, опустошённая, полуживая от страданий

и тоски.

— С тех пор вы занимаете все мои мысли. И словно все мои прошлые деяния, все грехи и испытания, кажется, всё это привело меня к вам, — продолжал пастор напряжённым от чувств голосом. — Однажды я просто понял, что ждал вас. Вы появились и спасли меня таким способом, о котором даже не догадываетесь. Амелия!.. Вот почему я сделаю всё, чтобы помочь вам. Я проведу вас сквозь тьму в безопасность, отыщу для вас тихую гавань и сделаю так, чтобы эти кошмары, видения и голоса ушли навсегда.

Оказалось, пока она слушала его, наблюдала за ним в напряжении, едва дыша, она сжала кулаки так, что ногти до крови впились в её ладони. Амелия выдохнула и отвела глаза в сторону. Её сердце бешено колотилось, а руки похолодели. Она не понимала, чего ей хотелось больше всего — упасть за борт, в холодную воду, или броситься к этому человеку на шею и разрыдаться от безысходности.

Когда в ней снова нашлись силы, чтобы говорить, Амелия едва раскрыла рот, как пастор взялся вдруг за вёсла и резко произнёс:

— Молчите! Хватит слов! Оставим это на сегодня. Ваше путешествие только началось, так что не растрачивайте силы на второстепенное... Я лишь об одном прошу: больше не называйте меня «преподобный» и «святой отец»... Зовите просто по имени.

Она кивнула интуитивно, больно прикусив губу, чтобы

хоть что-то отвлекло от сумасшествия, творящегося у неё в мыслях. А всего через несколько минут, у излучины реки, Генри Уотерс навалился на вёсла со всей силы. Так они прибыли в Гранд-Пойнт.

Помогая Амелии выбраться из лодки, мужчина крепко взял её под руку, проигнорировав протянутую ладонь. Девушка удивилась, но сдержала вздох, когда он приобнял её за талию и поднял над кромкой воды, словно пушинку, так что она даже не намочила сапоги. Амелия только и успела, что подумать, насколько он силен. Затем Генри забрал свою сумку, убедился, что лодка крепко врезалась в берег, и краткой фразой велел следовать за ним и не отставать.

Он повёл её по скрытой в кустарнике тропе, петлявшей между скалистыми склонами, за которыми простирался дикий лес. Протиснувшись за проводником в достаточно узком каменистом проёме, Амелия тут же окунулась в ворох запахов хвои, влажного мха и... дыма? Она и не догадывалась, что селение, куда они направлялись, находилось так близко от берега. Но природные стены — высокие деревья с густыми кронами и неровные скалы — создали для местных хорошее укрытие.

Уже расслабившись, она позволила себя насладиться этим моментом. Лес мог быть не только тёмным и опасным. Он мог защитить от врагов, от дождя и солнца, освежить в жару и подарить тепло в своих пещерах. Он хранил первобытные запахи земли, голоса зверей и птиц, напоминавших о том,

кто являлся здесь истинным хозяином.

Амелия задирала голову и смотрела сквозь шумную листву, как солнечные лучи устремлялись в их убежище, а затем быстро скрывались из-за уносимых прочь туч. Прислушиваясь, она различала пение пересмешника, укрывшегося в листве шелковицы неподалёку. А где-то, затаившись, за нею и Генри наблюдали белохвостые олени.

Она не знала, но он не раз оборачивался взглянуть на неё. И, видимо, замечал, с каким умиротворённым выражением она осматривалась или прикрывала от удовольствия глаза. Если бы Амелия смогла поймать его взгляд в этот момент, увидела бы в нём совершенное восхищение. И искру желания, которое он, впрочем, не хотел бы показывать.

И полчаса не прошло, когда Генри остановился, сделав знак рукой, затем потянулся к Амелии, и она, не раздумывая, вложила свою руку в его ладонь. Они спустились по крутому склону, где каменистая тропинка петляла вглубь настоящих зарослей, и вот тогда Амелия услышала их: голоса сенека.

Селение было совсем крошечное. Вернее, это был, скорее, лагерь, наскоро разбитый на поляне. Самое удачное место для стоянки, если не желаешь быть найденным хотя бы в ближайшие пару-тройку дней. Крепко сжимая своего провожатого за руку, Амелия оказалась среди толпы весьма приветливых, разодетых в красные, оранжевые или бежевые наряды, так называемых, «горных людей».

Она очень удивилась и не на шутку растерялась, когда

несколько женщин стали тянуться, чтобы лишь слегка прикоснуться к её рукам, плечам или спине. Притом, они улыбались, некоторые даже смеялись, но в смехе этом не было осуждения или издёвки. Скорее, это походило на приветствие. Молодые же девушки сенека что-то говорили ей, одобрительно кивали. А через миг Амелия уже обнаружила у себя на шее пару длиннющих украшений из бус.

— Ничего не бойтесь, — склонился к ней Генри Уотерс, когда толпа пропустила их вперёд. — Они знают, кто вы. Знают, что пережили, и зачем вы здесь.

— А разве они не боятся меня? — спросила она так же шёпотом. — Из-за... ну... ритуала на озере и злых духов...

Он так добродушно улыбнулся, что у неё едва не замерло от внезапной нежности сердце. Но щёки покрыл предательский румянец. Это она точно ощутила.

— Мы все здесь, чтобы помочь вам. Забудьте о злых духах. Забудьте о страхе.

Он посмотрел ей в глаза и отпустил руку только для того, чтобы убрать непослушный рыжий локон от её пылающего лица.

— Всё хорошо, — сказал он ласково. — Я с тобой.

Где-то Амелия ненароком уже слышала утверждение о том, что доброта делает человека красивым. В этот самый момент Генри Уотерс стал красив настолько, что ей было почти больно от несправедливости и стыда. Смысл сомневаться в его чувствах испарился. Любовь сияла в его глазах, слов-

но он стремился поделиться ею, и от этого Амелии было ещё больнее. Ещё страннее на душе.

Некогда больше было копаться в собственных чувствах. Из единственного на поляне большого вигвама, над криком входом которого красовался череп животного — чья-то некогда длинная морда — вышел молодой индеец-сенека. Все мужчины и женщины расступились перед ним, гомон голосов затих. Амелия не узнала его, так как предыдущая встреча прошла для неё в тумане. Зато Генри явно хорошо был с ним знаком. Они обнялись, перебросившись фразами на местном диалекте, и молодой сенека с улыбкой склонил голову перед Амелией, смутив её.

— Это младший брат знаменитого Сажателя Кукурузы, — пояснил ей Генри. — Тонаванда, один из вождей клана Волка. Много лет назад я оказал услугу ему и его людям, а он в благодарность провёл ритуал, который... скажем так, помог мне очиститься. Мы были квиты, однако мой друг так не считает.

Тот засмеялся в ответ, похлопав Уотерса по плечу. Атмосфера между ними была едва ли не семейная, и Амелию это впечатлило. Никогда прежде она не видела такой связи между белым и индейцем. У Томаса было множество знакомых из тех же поухатанов, только вот...

Не успела девушка загрустить, как молодой вождь с искренней весёлостью произнёс:

— Никакой платы не будет достаточно, чтобы вернуть те-

бе долг, Махонегон!

— Это неправда.

— Правда-правда! Ты сделался слишком скромн в своей вере, но она не спрячет от нас твои предыдущие заслуги перед племенем.

За какие такие заслуги и что именно Генри Уотерс совершил в прошлом, чтобы заслужить доверие брата самого Гай-антваке, (который ещё в недавней войне, между прочим, выступал против англичан), Амелия не успела спросить, потому что Тонаванда громогласно объявил об их прибытии и велел готовить угощения и разжигать костры. Видя, какое настроение воцарилось в лагере, и с какой живостью женщины и молодые мужчины сенека бросились исполнять приказ, Амелия с нетерпеливым волнением поинтересовалась у Генри:

— Разве мы прибыли не для того, чтобы разузнать, где прячутся сбежавшие ленапе? Когда я смогу спросить, где мне их искать?

Мужчина улыбнулся и накрыл своей ладонью её руку, прижав к своей груди:

— Амелия, вы получите то, чего желаете. Я дал слово. Но сейчас вы утомились. Не отказывайтесь от их гостеприимства, прошу вас! К тому же, эти девушки никогда не видели белую женщину так близко. Вы для них как редкий драгоценный камень. Вон, как они вас разглядывают!

Он был прав, ведь несколько девиц из племени всё ещё

смотрели на неё с неподдельным любопытством, перешёптываясь и указывая пальцами то ли на её наряд, то ли на рыжую косу. Ненароком это вызвало у неё улыбку. Со вздохом Амелия всё же согласилась.

— Только, пожалуйста, не оставляйте меня одну, — попросила она, не глядя на него.

Поэтому и не увидела, как по-странному мило удивление отразилось на лице Генри.

— Что бы сегодня ни случилось, — произнёс он на выдохе так, что у Амелии побежали по коже мурашки, — я вас ни за что не брошу. Всегда буду рядом.

Даже если вам покажется, что это не так, помните! Я здесь.

И она снова поверила.

Следующие три часа пролетели в какой-то невероятной для неё атмосфере. Три девочки из племени, явно не старше пятнадцати лет, очень красивые и ещё больше любопытные, буквально утащили Амелию за руки от Генри, поближе к вигваму, усадили на пень и окружили своим невнятным лепетом. Они бесцеремонно трогали ворот её жакета, но не дёргали, а лишь разглядывали вышивку по краям ткани, однако больше всего внимания досталось её волосам. Каким-то чудом одна из девиц распустила её косу, причём весьма аккуратно и ловко, затем все трое принялись болтать друг с другом, попутно колдуя над новой причёской гостью. Амелия сидела, замерев на месте с прямой спиной, не понимая, чего

ожидать. Но прошло несколько минут, болтушки не прекращали улыбаться и расчёсывать её рыжие локоны, и Амелия, наконец, расслабилась. Ей даже стало любопытно, что такого они собирались натворить на её голове.

Генри Уотерс стоят чуть поодаль рядом с молодым вождём. Они разговаривали о чём-то, и пастор время от времени посматривал на смущённую Амелию, посылавшую ему вопросительно-требовательные взгляды. Когда Генри покачал головой, едва сдерживая смех, она поняла, что помощи от него не дождётся, и окончательно смирилась.

Зеркала, разумеется, у девочек не оказалось. Когда они позволили Амелии встать, она прикоснулась к волосам и увидела, что умелицы разделили их на две косы, в которые вплели по паре разноцветных лент. На макушке же несколько крупных локонов собрали повыше, подоткнув их чем-то вроде большого гребня. Интуитивно Амелия повертелась на месте под весёлую болтовню женщин, обернулась к Генри и жестом указала на свою новую причёску. При взгляде на неё он удивился, брови его взметнулись вверх, затем пастор улыбнулся и одобрительно кивнул.

Амелия не могла не засмеяться. На душе стало по-странным легко, когда некогда пугающие люди вокруг неё превратились в таких же, как и она, незнакомцев, но с добродушными сердцами, беззлобными и очаровательными. Прежде коренные племена несли в её жизни лишь смерти и боль...

Девушка оглядела всех с благодарностью, затем вздёрнула подбородок, склонилась и сделала реверанс, как когда-то в юности, на приёмах графа Монтро. Этот преувеличенный поклон так взбудоражил её новых знакомых, что все три красавицы бросились повторять за нею, едва не падая с неприличия.

Амелия хохотала вместе с ними до колик в животе, будто ей снова было тринадцать.

Где-то поблизости рубили дрова для костров. Позади вигвама свеживали дикого кабана.

Вскоре к запахам дыма и дублёной кожи присоединился аромат поджарого мяса. Разговоры сенека стали громче, голоса оживились и повеселели. Несколько женщин трясли в руках странные побрякушки овальной формы, со вдетыми в них перьями и ракушками, и они постукивали друг о друга в такт неизвестной дикой мелодии. Амелия с любопытством рассматривала всё это пёстрое действо, иногда в смущении накручивая на пальцы кончик косы, когда перед нею проходил очередной полуодетый разукрашенный сенека.

Когда над поляной раздались громкие протяжные песнопения под стук деревянных трубок, а дым от костров взметнулся ввысь, в прояснившееся вечернее небо, Генри подошёл к Амелии, стоявшей у вигвама, и спросил:

— Как вы себя чувствуете? Я волновался, что вам станет некомфортно здесь после всего произошедшего. Но вы улыбаетесь.

Она действительно улыбалась и даже не замечала этого. Амелия с благодарностью посмотрела на мужчину, ненадолго заглядевшись на отблески костра в его тёмных глазах. Затем тихо произнесла:

— Ещё несколько дней назад я думала, что вовсе не смогу улыбаться. Но, кажется, я понимаю теперь...

— Что именно?

— Зачем вы это сделали. Зачем вы *всё это* продумали. Вы тоже хотите меня излечить, но иными способами. Не так, как доктора.

Не отрывая от неё пристального взгляда, Генри ответил:

— Потому что это именно то, что спасло и меня когда-то. Видите ли, некоторые обстоятельства привели меня в это племя...

— И вы, разумеется, не скажете мне, что это были за обстоятельства, — Амелия утвердительно кивнула сама себе.

Он хотел что-то ответить, но ясно было по сомкнутым губам, что подробностей поведать он не сможет. Не захочет. Амелия снова встретила его взгляд и тепло улыбнулась.

— И не нужно. Достаточно того, что я уже знаю. И я вижу. Что бы вы ни сделали, что бы ни случилось, этот народ вас считает одним из своих. И я вам верю.

— Когда-нибудь... я клянусь вам, Амелия! Когда-нибудь вы всё узнаете, но сейчас самое главное... для меня главное... Вас спасти.

На минуту ей хотелось бы закрыть глаза и не видеть

страстного желания, вспыхнувшего на его лице, в самом его взгляде, миг ставшем таким томительно призывающим, что она, уже знавшая о его чувствах, каждой клеточкой тела ощущала силу этой любви. Разве такое возможно?

— *А ведь где-то там Томас, засыпая, мечтает, что ты ждёшь его с распростёртыми объятиями на вашей постели...*

Амелия стоически проигнорировала саркастичный тон тени, зашевелившейся позади неё, там, где никто больше не видел. Она пришла. И заново напоминала о том, что нужно было отринуть, выкинуть из мыслей, пока она не вернётся домой. С победой или же побеждённая.

— Когда я смогу узнать о ленапе? — спросила Амелия торопливо, пока мерзкая тень не ожила снова. — Вы знаете, чего я хочу. Хочу отомстить.

— Я знаю.

— Я хочу найти их обоих, Генри. И я уничтожу их. Я сделаю это, как дочь варваров. Тех самых, из чьего рода мы с вами вышли.

Она впервые назвала его по имени вот так, в самом суровом и хладнокровном контексте. Мужчина взглянул на неё из-под низких густых бровей очень внимательно, затем кивнул и указал на собравшихся вокруг костра мужчин и женщин, танцующих под стук трубы на фоне огня.

— Сенека верят, что незримые духи пронизывают мир вокруг нас. Добрые неустанно борются со злыми — и так по

кругу. Через песни, молитвы и ритуалы возникает *оренда* — это сила, мощь природы, соединяющей людей и неживое вокруг них, — Генри снова посмотрел на неё, и Амелия подняла к нему глаза. — Всякое существо, обладающее оренда, способно принимать формы иного существа. Если обладаешь такой силой, шаман видит это и помогает тебе обрести могущество через ритуал. Если ты осознаёшь, что всё в мире имеет душу, что сама природа имеет сознание, и твои сны — это путешествие души, покидающей тело — значит, ты готов.

И снова в его глазах яркое пламя. Жар от костров Амелия почему-то ощутила на своей коже в тот же миг, когда во взгляде мужчины рядом с нею вспыхнула искра. И чтобы хоть как-то усмирить пугающее ощущение, нарастающее в её теле, она улыбнулась и заметила:

— Вы, как священник, выросший в лютеранской общине, должны с опаской воспринимать все эти языческие учения. Что бы сказала местное духовенство по поводу таких собраний?

Прежде, чем он смог ответить, они оба услышали громкий возглас и взглянули в сторону. Это Тонаванда подал знак, вскинув руку, и тогда всё вокруг стихло. Вождь кивнул Генри, и тот с тяжёлым вздохом обратился к Амелии:

— Время пришло! Послушайте меня, и послушайте внимательно. Если вы готовы, вы должны ясно осознать то, что я скажу. Если вы верите мне, вам придётся согласиться.

Амелия уловила его волнения, однако она сама не чувствовала этого. Люди, к которым он привёл её, были добры и вежливы. Здесь её накормили и напоили, дали понять, что она — желанная гостья, а не проклятая ведьма, преследуемая духами. Что бы ни произошло дальше, если она получит желаемое — она не боится.

Она кивнула, подкрепив свою решимость тихим «да», и Генри сказал:

— Сейчас вы войдёте в этот шатёр, и ритуал начнётся. Как только ощутите, что готовы к встрече со своими врагами, Великий Дух коснётся вашего плеча, он будет рядом с вами, как и я... Оставьте все страхи, Амелия. И сила сама придёт к вам.

— Я готова к встрече, — ответила она решительно. — И я не боюсь.

— Хорошо!

Он уже поднял руку, Амелия даже почти ощутила тепло его пальцев на своей щеке, но с каким-то невероятным усилием, судя по его взгляду, Генри не прикоснулся к ней. Вместо этого он сделал пару шагов назад, а рядом с Амелией возник невысокий старик, похожий на огромную ободранную птицу с горбом. Он стал подталкивать её ко входу в вигвам, и девушка послушно подошла ближе. Она лишь два раза отвлеклась: обернулась к Генри, наблюдавшему за ней, а потом посмотрела на череп животного над своей головой.

Сглотнув слюну, Амелия сделала глубокий вдох. Она за-

жмурилась и подумала о долгожданной мести. О детях из школы и мистере Брауне, лежавших теперь в общей могиле... О бедной замученной Сьюзен Кинг Каннингем и её малыше... О себе самой, у которой внутри не осталось ничего, кроме тьмы.

— *Иди туда и столкнись с тем, что ты сама притащила в этот мир,* — прошептала за левым плечом нетерпеливая тень.

В кои-то веки она охотно с нею согласилась. Амелия скрылась в шатре, за нею зашёл шаман. Остальные сенека расступились, и лишь несколько молодых мужчин окружили костёр, приготовившись к ритуалу.

Время пришло.

Глава 22. Отмщение

Что-то было не так, и она это почувствовала, как только ритмичный стук снаружи начал затихать, а гортанное завывание шамана, кружившего над нею, умолкло, словно растворившись в темноте. Амелия стояла на коленях в середине шатра, закрыв глаза и не шевелясь, как велел ей жестами шаман. Прошло совсем немного времени с начала ритуала, а сейчас... Она готова была поклясться, что-то изменилось...

Мало того, что звуки вокруг стихли, так ещё и дым от костров стал стремительно заполнять шатёр. Настолько, что скоро было трудно дышать. Пришлось открыть глаза и подняться. Осознав, что пожилого сенека рядом нет, Амелия выскочила наружу и обомлела.

Соседнее строение полыхало, лес кругом лагеря был охвачен огнём. Ветки трещали и, горящие, падали на землю. Так не должно быть, слишком быстро разошёлся пожар, потому что Амелия сразу оценила его масштабы. Лес должен был гореть уже давно, и это ужаснуло её. Девушка зашлась кашлем, от дыма защипало глаза, и она пригнулась, рванувшись вперёд, от одного горящего шатра к другому.

Никого здесь не было. Ни сенека, ни пастора. Амелия позвала на помощь — никто не откликнулся. А над лесом уже сгустилась чернота, быстрее и быстрее закрывая вечернее

небо.

— Генри! Генри, где вы?! — крикнула Амелия, и едкий дым заставил её закашлять сильнее. — Отзовитесь!

Времени искать людей уже не осталось. Теперь у неё был выбор задохнуться и сгореть тут, в лагере, или бежать в одиночку. И Амелия побежала, проскочив над горящим бревном, где всего час назад восседали воины сенека. Она побежала, держа руки перед собой, чтобы ветви кустов не хлестали по лицу, и старалась глядеть под ноги как можно чаще, потому что здесь не было тропы — сплошной лес.

Огонь появился, неведь откуда. Он, как океанская волна, накатывал на деревья, старые иссушенные брёвна и листву. Казалось, уклоняясь вправо от пламени, не щадившего кривые стволы, Амелия лишь подгоняла его преследовать её в ту же сторону. Дышать стало легче, когда дым рассеялся, но местность тонула в плотных зарослях, а бежать в неизвестность было почти самоубийством, к тому же, позади себя девушка слышала приближающийся треск деревьев, когда пламя охватывало их, перескакивая с одной ветки на другую.

Преодолевая покалывание в груди и ноющую боль в мышцах, Амелия снова позвала Генри. И ещё раз, и ещё, оказавшись окружённой темнотой в берёзовой роще. Мужчина не откликнулся. Да и откуда ему было находиться рядом? Она бежала так далеко от лагеря, что и не представить.

«А вдруг, на них напали? Что если их увели куда-то, а я даже не знаю, куда?! — подумала она с ужасом и убави-

ла шаг. — А что, если это была ловушка... для меня? Они бросили меня бороться в одиночку с этим огнём... и *он* солгал мне!» Пробираясь сквозь кусты, буквально проталкиваясь дальше, в темноту, прочь от зарева пожара, который во все не намеревался отступать, а просто умерил немного свой пыл, и тянулся сзади неспешной огненной лентой, Амелия бросала себя из крайности в крайность, от одной туманной мысли к другой, более жестокой и мрачной, чем предыдущая.

В короткий момент передышки, когда единственный раз за весь этот отчаянный побег она попыталась переубедить себя, что Генри Уотерс не мог вот так поступить, Амелия совсем отвлеклась и, споткнувшись обо что-то, упала на колени. Сквозь стиснутые зубы она зашипела от острой боли: ладонь проткнуло что-то острое, и это был осколок камня. Но в следующий же миг от ощущения боли не осталось и следа, потому что она чётко и ясно вдруг услышала пронзительный женский крик где-то в лесу.

Тут же вскочив на ноги, Амелия замерла. И крик раздался снова. Тонкий высокий голос, в котором чувствовались ужас и отчаяние. Примитивный возглас из глубин чащи, словно сам лес возопил от боли.

Амелия двинулась было вперёд, интуитивно желая знать, кому принадлежал голос, когда неожиданно к женскому крику присоединился ещё один. Долгий, протяжный, тяжёлый плач. Так кричать, надрываясь и захлёбываясь, мог только

младенец. И, что бы ни происходило с ним, он страдал.

Едва тело Амелии, прежде скованное страхом, начало двигаться, она уцепилась за ближайший ствол, затем буквально заставила себя оторваться от него и сделать шаг. — Сара? САРА!

И она побежала, выкрикнув имя сестры в каком-то неистовом помутнении и порыве радости.

Снова в темноте, между деревьями, слышался возглас. И младенец вторил ему с ещё большим рвением. От этих криков кровь стыла у Амелии в жилах, и прежде она пала бы на землю от ужаса, но только не сейчас. То, что лес игрался с нею, Амелия и не подумала принять. Что это тени, блуждающие где-то рядом, заставляли слышать, чего не было, она просто отказывалась верить. Ибо какой в этом смысл, если для неё всё, что происходило вокруг, было реальным?

— Сара, я здесь! — закричала она, едва не угодив в овраг. — Я совсем рядом!

Она подумала, что миновала препятствие, что обрыв остался в стороне, но не рассчитала расстояния, и кубарем полетела вниз, когда нога вдруг утонула в пустоте. Перевернувшись несколько раз и смяв под собой кусты, Амелия упала в колючую листву, но быстро очнулась, потому что, вместо ожидаемого голоса сестры и её ребёнка, её окружили десятки других голосов, низких, грубых, надрывающихся. А с ними и лязг металла, настолько отчётливый и режущий слух, будто звучал он прямо над нею.

Амелия подскочила на месте и поняла, что оказалась посреди огромного сухостоя. Это был горелый, некогда лиственный лес, покрытый пеплом, пропитанный запахами костра и другими... жуткими, сладковатыми запахами. Приторными и резкими.

Словно зверь, угодивший в капкан, она металась на месте, крутилась, чтобы осмотреться, и почему-то стало достаточно светло, чтобы всё увидеть. Зарево вокруг. Но не от солнца.

Амелия закрыла уши, прижала к ним ладони, что было сил, потому что слушать этот поток голосов было уже нестерпимо. Они кричали, орали друг на друга, стонали, сливаясь со звоном железа и краткими одиночными взрывами. Девушка зажмурилась, замотала головой, ей было уже почти больно, и она поняла, наконец, что это была за какофония звуков.

То было поле битвы. Восемнадцать лет назад, недалеко от городка Инвернесс, Джон МакДональд повёл своих людей к селению Каллоден, где их разгромило войско герцога Камберлендского. Едва целый, отец Амелии позже рассказывал, что во время битвы, побывав в самой её гуще, пережил прежде неизвестное, странное ощущение. Он говорил, что гул над полем брани походил на сплошной поток слившихся воедино голосов, словно сотни тонущих посреди океана зывали и молили о помощи. Или как непрерывный стрекот саранчи в огромном жёлтом поле, где-нибудь на юге Глазго...

— Замолчите! — взвизгнула Амелия, согнувшись попо-

лам от невыносимого шума. — Хватит!.. ЗАТКНИТЕСЬ!

Они умолкли не сразу — сотни несчастных горцев, опозоренных отступлением, раненных и добитых прямо там, на поле битвы — они всё ещё перекликались между собой на гэльском наречии, когда девушка еле выпрямилась, всхлипывая. Она плакала.

— Почему вы заставляете меня пережить это?! — закричала она во тьму. — Где ты, Великий Дух? Где ты, когда я прошу тебя о помощи?!

Никто не ответил ей, и сквозь пелену на глазах Амелия рассмотрела где-то между поваленными полусгнившими стволами высокие тени. Они стояли там неподвижно, словно разглядывая маленькую сумасшедшую женщину посреди пепелища. И она закричала на них снова, когда они не исчезли:

— Оставьте меня одну! Оставьте! Их больше нет!.. Их всё равно не вернуть! — она шагнула вперёд, но из-за резкого головокружения едва не упала на колени опять. — Мой отец... Он старался... Он был хорошим воином! Он был тем, кем я уже не стану! Так чего вы хотите от меня?!

Что-то вдруг резко сбило её с ног. Будто огромная туша двинулась напрямик на неё, ударила плечом и повалила на землю, покрытую пеплом. Амелия распахнула глаза, ощущая пока, что всё ещё цела, лишь ушиблась спиной.

Футах в шестнадцать от неё стоял некто. Высокий и плечистый, лохматый настолько, что не было видно лица, в изо-

дранных одеждах рыжего или красного цвета. Он больше походил на прямоходящего зверя, чем на человека, но, всё же, присмотревшись, к своему ужасу Амелия осознала, что на незнакомце был надет красный мундир англичан.

— Наверное, вы шутите надо мной? — прошипела она, поднимаясь с земли.

Она не отрывала взгляда от этого существа, пока он стоял там, хрипло выдыхая. А затем она увидела, как он достал из-за спины ружье, длинный и острый штык на котором блеснул в свете зарева.

— *Так и будешь столбом стоять, идиотка?* - спросила тень, невесть откуда взявшаяся слева от Амелии.

— Что... что мне делать?

— *Уйми дрожь! Заставь тело двигаться!*

— У м-меня нет оружия! Я ни за что не смогу его... Арх!

Когда воин ринулся на неё, Амелия едва успела отскочить в сторону. Ещё бы немного, и штык вонзился ей в живот. Она стала отходить прочь, пока монстр без лица приближался. Он снова замахнулся, и она снова увернулась.

— *Он медленнее, потому что тратит силы на лишние движения,* — подсказала ей тень всё тем же недовольным тоном. — *Ты забыла, чему именно учил граф Монтро? Забыла, чему учила Мегера?*

Нет, Амелия не забыла. Она никогда не забывала тех уроков, но сейчас ей было страшно. И она здесь совсем одна.

— *Ты не одна.*

Воин в изодранном мундире сделал выпад, а после него ещё один, с замахом таким ловким, что Амелии пришлось увернуться три раза подряд. Она устояла на ногах. И всё ещё не отводила от врага взгляда. Но она понимала, что долго вот так танцевать с ним не сможет. Скоро он изловчится и проткнёт её, когда она устанет или отвлечётся.

Когда тень скользнула где-то справа, Амелия успела слышать её тихий шёпот:

— *Ты на поле битвы, глупая. Ты сама не осознаёшь, что всё оружие уже здесь, перед тобой.*

Когда монстр напал снова, Амелия проскочила под его рукой, но другой рукой он толкнул её на землю. Там она и увидела его. Клеймор якобитов. Он лежал одиноко под лёгким слоем пыли, между сухими ветками. И его длинная рукоять оказалась достаточно близко, чтобы Амелия доползла и ухватила за неё.

Когда воин подошёл и навис над нею, она едва успела перевернуться на спину. Штык, направленный прямо в грудь, пронзил бы её насквозь. Амелия зарычала, сжав рукоять меча, замахнулась и успела рубануть англичанина по ноге. Тот резко встрепенулся и замешкался. Тогда Амелия подскочила, правым плечом налетела на него и повалила на землю. Теперь она стояла над ним, держа оружие в обеих руках.

Рукоять идеально легла в её ладони. Клеймор был одним из мечей её отца, и он бился им в последнем сражении. Она всегда об этом помнила. Она помнила, как после битвы гор-

цев и войска герцога, будучи восьмилетней девчонкой, попыталась поднять этот меч, пока отец не видел. Тогда это было тяжело. Тогда маленькая Амелия видела в орудии, испачканном в крови и земле, просто игрушку...

Она никогда не думала, что возьмётся за клеймор снова. Он уже не был тяжёлым. И её руки двигались достаточно быстро, чтобы нанести смертельный удар.

«Замахиваться нужно всей рукой. От самого плеча и до кончиков пальцев прочувствовать удар, — говорил ей когда-то граф Монтро. — Это непросто, и сейчас для тебя любовью меч в тягость. Но однажды, когда станешь взрослой... Забудь... Я просто надеюсь, что он тебе не понадобится».

Прежде, чем воин ухватился за ружье и направил штык вверх, Амелия замахнулась, и кончик клеймора разрезал красный мундир от плеча до живота. Огромная зияющая рана раскрылась перед взором Амелии за мгновение. Но крови не было. Обрывки красного мундира не обагрились, алые пятна не расплылись по рваной ткани. А англичанин лишь пошатнулся слегка и бухнулся спиной на землю, подняв вокруг себя облако пепла. Упал он без звука, не охнул даже. Амелия опустила руки, сжимающие клеймор, поглядела на мертвеца с настороженным любопытством и осознала вдруг, что это её вовсе не удивило.

Она не почувствовала ничего.словно ничего и не произошло.

Что-то прошуршало слева от неё по голой земле. Она и

обернуться не успела, как кто-то сильный схватил её сзади и сжал в тиски, не давая возможности пошевелить руками.

Амелия вскрикнула, дёрнулась. Затем ещё раз, но её сжали лишь крепче.

— Отпусти! — закричала она.

В нос ей ударил запах моря. Сильный запах солёной воды, мокрого песка и гниющей рыбы, выброшенной на берег. Это отрезвило её, заставило отринуть страх. *Откуда бы морю взяться посреди леса?*

Она вырывалась, как могла, и в какой-то миг нападавший попросту швырнул её в сторону. Амелия быстро поднялась на ноги, задним умом понимая, что лишняя секунда промедления может стоить ей жизни. И она не выпустила меч из рук. Она уже готова была взглянуть на противника, как вдруг её сшибли очередным ударом. Едва она встала, он резко пнул её ногой, попав в правый бок. Боль пронзила тело, Амелии показалось, словно из неё дух вышибли, и, грохнувшись на живот, она зашлась кашлем.

Пепел и дым от пожара заполнили рот. Стоя на коленях, упираясь руками в землю, Амелия сплюнула мерзкий привкус, а через мгновение ощутила, как тошнота подошла к горлу.

— *Поднимайся! Хватит ныть!* — тень была рядом, прошелестела где-то сбоку. — *Не позорь свою семью ещё больше...*

«Заткнись...» — Амелия заставила себя встать, и как раз

вовремя, потому что противный резкий запах гнили стал ещё ближе. Она увернулась и отскочила в сторону за секунду до того, как в землю рядом с нею воткнулся огромный топор с длинной рукоятью.

Наконец, она увидела того, кто только что едва не обезглавил её. Невысокий мужчина, покрытый грязью, широкоплечий и худощавый, одетый в бурые штаны из животной кожи, и босой. Он был похож на дикарей из изгнанных ленапе, тех самых, что проводили ритуалы на озере. Но этот жуткий запах... Амелия поморщилась, ощутив его куда отчётливее. Такой тошнотворный запах гниения, доносимый морским ветром. В гавани всегда можно распознать его, только не настолько сильный...

Правый бок болел, но она терпела, шипя сквозь стиснутые челюсти ругательства. Тем временем противник выдержнул свой топор, а затем так стремительно кинулся к Амелии, что она едва сообразила вскинуть клеймор. Она вовремя заслонила себя клинком, потому что чужое лезвие оказалось буквально в дюймах четырёх от её лица. Ей пришлось отступить на шаг, потому что бил этот человек с невероятной силой. Амелия вскрикнула и увернулась от топора. А в следующий же миг пропустила удар кулаком, пришедшийся ей прямо в челюсть.

Боль сковала всю нижнюю часть лица, Амелии понадобились все силы, чтобы не упасть, однако мощный удар поставил её на колени. Крови скопилось во рту так много, и так

быстро, что, сплёвывая, Амелия увидела и поразилась, откуда же её столько.

Времени проверять ранение не было. Удары посыпались один за другим, и всё, на что она была способна сейчас, это отражать их, уклоняясь и делая выпады. Два раза она попыталась ударить в ответ, но попадала лишь по воздуху. Её руки отяжелели, ноги двигались уже по наитию, и сколько именно продолжалось её отчаянное отступление, трудно было сказать. Она лишь видела, что дикарь этот силён, намного сильнее, и владеет топором куда лучше, чем она своим мечом.

Когда противник вдруг приблизился вплотную, Амелия сумела увернуться, оказавшись у него за спиной, и рубанула вдоль позвоночника со всей силы. Из рта мужчины вырвался какой-то дикий возглас, хриплый булькающий звук, и про себя Амелия подумала: наконец-то ему тоже больно! Но это не помешало ему двигаться, наоборот, словно с приливом боли пришла ярость куда страшнее, чем прежде. Он стал вертеться, замахиваясь топором, и Амелия едва успевала пригибаться ниже, чтобы он не попал по ней.

И в последний миг он всё же попал, но не лезвием, а тупой стороной орудия. Толчок пришёлся по бедру, и Амелия закричала во всё горло от резкой боли. Этот очередной просчёт так разозлил её, что девушка, сделав три шага назад, ударила клеймором по земле и, прошептав «я убью тебя!», ринулась вперёд. Пришёл её черёд бить. Она поняла: если остановится сейчас, сойдётся с ритма и позволит этому чудо-

вищу — будь он настоящим или созданием тьмы — выиграть хоть несколько лишних секунд, для неё всё будет кончено.

Он замахивался над головой — она нагибалась и уходила в сторону. Он рубил сверху вниз — она уклонялась и резала сбоку. «Нужно быть быстрее, — говорила она себе. — Ещё быстрее!»

Топор заскользил по лезвию меча, и Амелия увела удар вниз. Подняла меч и резко ударила дикаря тыльной стороной рукояти в шею. Шарообразное навершие на конце усилило удар, и мужчина упал на колени. И пусть он поднялся столь же быстро, Амелии было уже всё равно. Она не чувствовала рук, только привкус крови во рту, боль и *злость*.

Он повернулся и рассёк топором пространство между ними. Удары стали хаотичными, но вовсе не ослабели. Амелия уклонилась от лезвия, и тогда мужчина замахнулся свободной рукой. Кулак рассёк её щёку. Ей показалось, что пространство вокруг исказилось, и искры посыпались из глаз. Она не могла ничего видеть, лишь слышала рычание справа и отскочила, так что ей повезло. Мотнув головой, Амелия крикнула «сдохни уже!» и бросилась под атаку врага.

В последний миг она повернулась кругом, и лезвие меча рассекло обнажённую кожу на руке противника. Он взвыл, отвлёкся и пошатнулся, так что Амелия ухватила за его плечо, потянула на себя и стала бить навершием рукояти клеймора в лицо. Его кровь попала на неё, трупный запах заполнил ноздри. Увы, в сумасшедшем порыве она упустила

момент, и мужчина ударил её в лоб своим. Затем отпихнул от себя и интуитивно замахнулся топором.

Амелия застонала, когда острое лезвие рубануло ей по предплечью. Кровь хлынула по конечности, весь рукав жакета вмиг отяжелел. Боль стала невыносимой. Даже несмотря на это, с неистовым криком Амелия пошла вперёд, и ей удалось отразить новый выпад. И, пока противник поднимал свой топор, она вонзила клинок ему в рёбра по самую середину.

Следующий внезапный удар сбил её с ног моментально. Даже раненный дикарь успел замахнуться кулаком, на этот раз снизу вверх, и попал девушке по подбородку. Она свалилась на спину с глухим стоном и лишь тогда выпустила клеймор из пальцев, так что тот оказался где-то вне досягаемости.

Больно...

Как же больно...

Амелия едва не захлебнулась, ей было трудно дышать. Поначалу перед глазами висела алая дымка, затем, когда тень упала на неё, Амелия всё-таки разглядела, что раненный враг встал над нею. Он хрипел, как делают это несчастные животные при смерти, и слегка пошатывался. Топор он держал почти у самого основания. Амелия не замечала, но из сквозной раны в боку быстро вытекала кровь.

Она проиграла, ведь он стоял над нею, а не наоборот. И тень оказалась права. Она опозорила свою семью. Никакой

ритуал не помог. Если уж прежний Бог оставил её однажды, не было смысла просить о помощи других. Возможно, они сочли её недостойной.

Ох, как же болит...

Той рукой, которой ещё могла двигать, Амелия утёрла губы. Она взглянула на дикаря, на приподнятый над нею топор, и, даже не осознавая, тихо произнесла:

— Как жаль... что я не увижу... как *он* умрёт...

Лица своего противника она тоже не видела. Оно было тёмным, скрытым под длинными вихрастыми патлами. Ощущая движение над собой, предполагая, что он замахивался, чтобы нанести удар, на секунду Амелия представила лицо герцога Камберлендского. Ей захотелось улыбнуться, но было больно сделать даже это...

Когда что-то вдруг просвистело в воздухе, она резко распахнула глаза и увидела крупный наконечник стрелы, торчащий из голого, измазанного грязью живота дикаря. На несколько секунд воцарилась ужасная тишина, будто весь мир замер. А потом мужчина зашатался. Топор он выронил, правой рукой схватился за наконечник, попытался дёрнуть за него, но это было бесполезно. Мужчина перешагнул через девушку, двинулся в сторону и упал замертво в нескольких шагах.

Амелия выдохнула, затем услышала шорох и знакомый голос, зовущий её по имени. Когда лицо пастора Уотерса склонилось над ней, она невольно улыбнулась, потому что ей

и в голову не пришло, отчего он может выглядеть таким кошмарно бледным и несчастным. И как он помогал ей встать, как поднял на руки и унёс прочь из сухостоя, она не осознала, не запомнила. Очнулась только, когда в нос ударил запах жареного мяса.

Видимо, он разбил небольшой лагерь на утёсе, с которого открывался великолепный вид на дикие места, раскинутые до горизонта. Амелия медленно приподнялась на локте, осмотрелась. Затем села удобнее. Она лежала на плотном шерстяном плаще пастора, под голову он подложил ей седельную сумку. Перед спальным местом горел костёр, собранный весьма умело из поленьев и камней, на одном из которых лежали две заячьи лапы, уже приготовленные. Сам пастор сидел напротив, на бревне, пил из большой фляги и внимательно смотрел на девушку.

Их взгляды пересеклись, и он просто сказал:

— Ешьте.

Кивнул на дичь, затем протянул свою флягу.

— Пейте.

Странно, но после всего пережитого она действительно ощущала голод. Первую порцию дичи она прикончила очень быстро. И Генри Уотерс улыбался, наблюдая, как она впивалась зубами и отдирала мясо от кости. Без лишних слов, было вкусно, и Амелия сказала об этом вслух. На что мужчина лишь ухмыльнулся. От второй порции она отказалась, и пастор, завернув лапку в бумагу, убрал её в сумку.

Во фляге оказалось нечто вроде виски. Амелии не нравились крепкие напитки, но сейчас она настойчиво проглотила столько, чтобы всё её нутро согрелось и обожгло.

— Больше не хотите? — спросил Генри, забирая виски назад.

— Нет.

— Увы, это не тот шотландский aqua vitae, который так ценят горцы из Хайленд.

Амелия села прямо и улыбнулась.

— Родители моей матери прибыли в Шотландию из Хедесбю. Они пили только водку, и делали это так, что голова на утро не болела. Или глэг... если вдруг водка кончалась.

Генри улыбнулся в ответ. Рукой взъерошил волосы, отведя длинную чёлку со лба и вдруг спросил:

— Вы скучаете по дому? По родным местам?

Она промолчала. Амелия встретила его пристальный тёмный взгляд и поморщилась, ощутив, как ноет левое предплечье. Только сейчас он увидела, что рука туго перевязана. Обрывки битвы в горящем лесу замелькали перед глазами. Девушка взглянула на правую ладонь. Он чем-то обработал рану, кожа была зеленоватая вокруг того места, куда впился осколок камня, и пахла она протёртой травой.

Амелия снова посмотрела на мужчину. Рубашка на нём была чистая, едва мятая. Пара пуговиц сверху расстёгнуты. Под воротом угадывалась могучая грудь с загорелой кожей... В любом случае, он не выглядел как тот, кто недавно

бежал от пожара.

Недалеко слышалось тихое ржание, и Амелия заметила в кустарнике, возле дерева, оседланную аппалузу. Значит, сенека успели снабдить его ещё и конём на обратный путь. Столько вопросов крутилось у девушки в голове, столько всего ей нужно было спросить, и она не знала, с чего именно начать.

Оказывается, он уже пару раз позвал её по имени. Она даже не расслышала. Амелия мотнула головой и, наконец, произнесла:

— Почему вы ушли из лагеря, Генри? Почему они все ушли и оставили меня посреди огня?

— Огня?

— Да, именно! Лес горел. Всё вокруг загорелось. Едва я вышла из того шатра, огонь уже забрал остальные постройки, и никого вокруг не было! Мне пришлось бежать, там повсюду был дым, и я...

— Амелия! Тише-тише! — пастор тут же подскочил и уселся рядом с ней на расстеленный плащ. — О чём вы? Какой пожар в лесу?

Она взглянула на него, как на полоумного. Хотя сама выглядела не лучше. Их плечи сейчас едва не касались друг друга.

— Пожар на стоянке сенека! Говорю вам, там повсюду был огонь. Едва ваш шаман приступил к ритуалу... я услышала... Я знаю, что там было много дыма.

— Амелия, посмотрите на меня! — Генри отвёл от её лица спутанную прядь волос; его голос был спокоен, или, скорее, успокаивающим. — Никакого огня не было. Лес не загорелся. Сенека в порядке, как и я. Видите?

Поначалу она просто неверяще смотрела на него, раскрыв губы, чтобы возразить. Она-то видела. Она всё чувствовала. Разве что...

Амелия огляделась очень быстро, но не заметила рядом назойливой тени. «А кто вообще сказал, что это была правда?» — подумалось ей. Амелии стало тоскливо. Одиноко. Слова пастора словно опустошили её. И ей нечего было ответить.

— Расскажите мне, — прозвучал его мягкий голос. — Что случилось? Что вы видели?

Она рассказала о побеге через лес, сквозь горящую чащу, темноту и тени, блуждающие рядом. Как едкий дым заполнял пространство вокруг, как трудно было дышать и смотреть вперёд. На мгновение она подумала, что мужчина посмеётся над ней или взглянет с укором. Ничего такого. Он молча смотрел на неё.

— Если не было огня... Если мне всё это привиделось... То откуда рана на руке?

— спросила девушка, поёжившись. — Я чувствую кровь на губах. Чувствую боль.

— Амелия, послушайте меня! — произнёс он очень медленно и отчетливо. — То, что я не видел этого огня, вовсе

не означает, что его не было для вас. И всё произошедшее в том числе.

— Как это?

— Помните, я уже говорил о том, что когда-то давно и мне пришлось пройти через ритуал?

Она кивнула.

— Я прошёл его, как и вы. Хотел, чтобы Великий Дух помог мне. Спас мою душу... от тяжести грехов, которые не давали покоя. Не спрашивайте, что я натворил. Не обо мне речь, но... Амелия... Нет ничего страшного и тем более постыдного в том, как вы видите этот мир. Каждый из нас смотрит на него по-разному, а кто-то видит дальше других. И поэтому те другие боятся. Им просто страшно, потому что, поверь они вам, придётся признать, что ваша реальность окажется столь же настоящей, как и их.

Когда он накрыл её руку своей широкой ладонью, она дрогнула, но не пошевелилась. Его ладонь была грубоватой и тёплой. А взглянув мужчине в глаза, Амелия поняла в который раз — там, на реке, он ни на миг не покривил душой.

После пережитого этой ночью внезапная мысль о том, что кто-то мог любить её настолько сильно, пусть и ненамного, всё же отогнала мрачные мысли прочь.

— Вы должны были пройти испытания, таково условие. И вы сделали это, — твёрдо сказал он. — Что же до ваших ранений... Хотите сами всё увидеть? Хотите, чтобы я рассказал, что видел я?

Не успела она ответить «да», он уже потянул её за руку, помогая подняться. Генри повёл её за собой, прочь от края утёса. По дебрям в темноте он шагал всё так же уверенно, как и днём. Амелия поняла, что он вёл её к месту сражения.

Посмотрев ненадолго на небо, она заметила светлеющую полосу горизонта. Скоро рассвет, и в лучах солнца ей предстояло увидеть своего поверженного врага. А вместе с ним и отголоски далёкой битвы.

Глава 23. За меня не молись

Дорога назад заняла немного времени, знакомый сухостой показался меж кривыми полуживыми деревьями уже скоро. Шли они в молчании, и мужчина словно упрямо не выпускал руку Амелии из своей. Ей не было неприятно. Не было даже странно. Боль от полученных ночью ранений поутихла, а с нею и впечатления после сражения. То, что Генри Уотерс вёл себя так спокойно, так обходительно и естественно, и ей, возможно, внушало некую уверенность. Всё так, как должно быть.

Признаков недавнего пожара поблизости Амелия не заметила. Когда мужчина, наконец, отпустил её и кивнул в сторону поляны мёртвого леса, она медленно пошла к середине, осматриваясь. Здесь даже гарью не пахло. Ветра не было, и затихла утренняя песня птиц. Амелия остановилась, огляделась.

Усмехнувшись, она подумала, что лучше бы то был кошмарный сон. Однако, заметив на земле неподалёку тело, осознала — не всё было сном, не всё ей привиделось.

Она медленно приблизилась к мертвецу, лежащему среди веток и сухой примятой травы.

На нём была одежда ленапе, до боли ей знакомая почему-то. Лицо же прикрыто платком. Взглянув ненадолго на-

зад, на пастора Уотерса, который стоял, скрестив руки на груди, возле дерева, Амелия увидела, что он одобрительно кивнул. И только тогда, наклонившись, она стянула платок.

Перед её взором возник молодой ленапе со шрамами на посеревшем лице. Увидев его таким, она издала возглас удивления, затем осторожно опустилась на колени рядом. Не будь он так близко, и не будь у неё возможности прикоснуться к его ледяной коже, Амелия попыталась бы убедить себя — это неправда. Это просто невозможно.

— Это ты... Действительно ты... — прошептала она, скользнув взглядом по знакомой подвеске, испачканной кровью. — Но как же? Как же так...

Ей казалось, словно все силы из неё выкачали. Не осталось ничего, кроме тяжёлого ощущения, будто невидимые руки сжимали плечи и придавливали к земле. Амелия склонилась над телом и увидела рану, которую нанесла молодому воину между рёбер.

Это был он, убийца детей, душегуб и тот, кого она проклинала и желала видеть мёртвым. Амелия всхлипнула, обняв себя руками, не в силах понять — как такое возможно. Она билась не с ним, а с монстром из тьмы прошлого. Не посреди иссохшей поляны, а на окраине Инвернесса, где потерпели поражение якобиты. И всё же она ошиблась. Все её видения оказались просто занавесью от реальности.

Сжав голову руками, Амелия застонала. Ей сделалось дурно, тошнотворное ощущение заполнило горло и рот, но она

сдержалась. Ещё раз, чтобы убедить саму себя, она посмотрела на мёртвого ленапе. И вместо удовлетворения от праздничной победы над тем, кого так ненавидела, Амелия не чувствовала ничего, кроме звенящей пустоты.

В ней не осталось ничего, и это злило и разрывало её сердце на части.

— Ты здесь... И ты, наконец-то, мёртв! — прошипела она, ощущая, как дрожат губы. — Ты убил наших детей. И, я знаю, ты убил Сьюзан Кинг тоже! Ты желал мучить меня и принёс в жертву своим богам. А я прокляла тебя и осмелилась просить Великого Духа, чтобы он помог тебя уничтожить... И вот! Ты здесь! Ритуал сработал! И я стала такой же, как ты!

Амелия оперлась руками о колени и зарыдала, не в силах ничего с этим поделать. Плач душил её, сдавливая горло. Она даже не заметила, как Генри Уотерс приблизился сзади.

— Я убийца! Я убивала и прежде! — сквозь слёзы воскликнула девушка. — Моя тётка умоляла о прощении перед смертью, а я не простила! Бросила её одну, в мучениях... Моя сестра с сыном погибли, и меня не было рядом, чтобы защитить их... Мои хорошие друзья умерли из-за моей глупости! Сына вождя катоба я убила в пылу ярости!.. А ведь он ничего мне не сделал...

Рыдая, она едва не задохнулась всхлипом; её тело сотрясались, спутанные волосы скрывали побагровевшее лицо, руки дрожали. Пастор всё стоял за её спиной, молчал и не двигался.

ся с места.

— Как я посмела считать, что имею право на месть?! Ведь я такая же, как они!

Всю жизнь смерть идёт за мной по пятам, а я приношу ей лишь новые жертвы...

Амелия лихорадочно утёрла рукой щёки и рот. Кожу с синяками и порезами непрерывно саднило от слёз. А она никак не могла остановиться.

— Все эти смерти! Страдания! Я несу их с собой!.. Ну зачем?! — вдруг закричала она, вскинув голову. — Зачем вы не дали ему покончить со мной?! Мы бы убили друг друга, и тьма, и голоса, и тени — всё исчезло бы!

Когда Уотерс внезапно бросился к ней, резко поднял с колен, схватив за руки так цепко, что даже причинил боль, она и не заметила. Её трясло в истерике, непрекращающиеся рыдания рвали горло; увидел бы её такой кто посторонний, то решил бы, что она помешалась.

— Слушай меня! Да послушай же меня! — воскликнул мужчина решительно, крепко прижав Амелию к себе. — Ради мести, ради демонов, что шепчут тебе в уши, или ради мнимой справедливости, которую на этой земле ты не найдёшь — уже не важно! Наплевать! Ты билась, ты — дочь своих родителей, и ты победила!..

— Не желаю знать! Не хочу ничего слышать...

Генри тряхнул её так, что она едва язык не прикусила, но плач прекратился. Она, наконец, пришла в себя, и уставилась

в его тёмные глаза, словно в первый раз. И, по крайней мере, она осознала, что он обнимал её, не намереваясь отпустить.

— Ты победила! — упрямо, почти со злостью повторил Генри. — Я сделал последний выстрел не только, чтобы спасти твою жизнь, но чтобы снять с твоих плеч груз убийства, я был готов взять его на себя. Всегда был готов... Ты удивительная, смелая, и ты не проклята. Ты не ведьма, Амелия, я это знаю. Ты это знаешь.

Её тело перестало дрожать, когда Амелия почувствовала чужое дыхание вблизи своих губ — так он склонился к ней. Да и куда было деться? Она едва не потеряла голову, окунувшись во тьму своего безумия. Истерика чуть не стоила ей последней капли осознанности. А этот мужчина вернул ей власть над разумом, его низкий голос, его напряжённое тело, прижатое к ней — весь он вдруг напомнил о том, что она ещё жива. Что она ещё может управлять своей реальностью.

— Всё, что произошло сегодня, стало лишь очередным испытанием, — произнёс он, вглядываясь в её лицо. — И ты прошла его. Я наблюдал за тобой со стороны, не вмешивался до самого конца, потому что понимал — это *твоя* битва, в которой нельзя победить, не столкнувшись со своими страхами лицом к лицу... Амелия! Послушай меня! За свою короткую жизнь я совершил много ужасного. Я был жесток, холоден, далёк от мира, и однажды возненавидел такое существование. Как и ты, я пожелал покончить со всем... в тот самый день, как ты появилась в поселении. И я увидел те-

бя, и во мне вскипело дикое желание жить. Душевная боль утихла, я даже начал думать, будто действительно верую...

Своим горячим лбом он прижался к её лбу, и Амелия закрыла глаза, когда Генри утёр её слёзы, затем прошептал напротив её рта, совсем близко:

— Ты спасла меня в тот день. Сегодня я вернул долг. Но это не значит, что я тебя покину... Никогда! Я никогда не смогу тебя отпустить... Хочешь, не хочешь — это так!

Неожиданно он обнял её, затем стал гладить ладонью по макушке. Словно любящий отец нежно гладит дочь по волосам, успокаивая её слёзы. В этих объятьях, вдыхая его запах, впитывая прояснившимся сознанием его слова, Амелия почувствовала, как боль понемногу отступила.

А потом он мягко отстранился, и их взгляды встретились снова. Никогда прежде ещё она не видела, чтобы эти карие глаза смотрели с такой надеждой и любовью. Отчего-то ей стало горько, но при этом тепло и спокойно.

Мужчина нежно погладил большим пальцем её щёку и вяло улыбнулся. Лишь сейчас она заметила печать усталости на его лице. Генри сказал, что им нужно возвращаться. Тогда Амелия обернулась назад, взглянуть на труп ленапе ещё раз.

— А как же он? — спросила она безжизненным голосом.

— Сенека скоро заберут его и передадут тело в Форт Бэдфорд.

— То есть они не...

— Никто ничего не узнает. Просто очередная жертва

вражды между местными кланами, — ответил Генри. — Что же касается второго ленапе, краснолицего... Его и так ищут вдоль всех границ. Не сегодня, так завтра, или через месяц он попадётся.

«Как странно, — подумала Амелия мимолётно. — Я должна бы чувствовать радость, я же этого хотела, но кроме горечи не чувствую ничего...»

Вслух она этого не сказала, не стала бы, ведь ради её эгоистичной прихоти, ради желания отомстить Генри Уотерс проделал такой путь, сделал столько, что и подумать боязно — взял на себя страшный грех убийства — лишь для того, чтобы она, маленькая уставшая женщина родом из Хайленд, могла себя пожалеть... Да, он не должен снова увидеть, какая она слабая, пусть и считает иначе.

Напоследок, перед тем, как уйти, Амелия пригляделась к лицу молодого воина. Он совершил великое зло, и она уже никогда не узнает, по какой причине. Что за демоны толкнули его на убийство. Ему не удалось завершить ритуал на озере... А вот она смогла это сделать.

Каким бы богам ты ни приносил жертвы — плохим или хорошим — в конце концов всё едино. Ты будешь убийцей.

Рассветные лучи упали на сухостой, одарив теплом и эту иссохшую, голодную до дождя землю, покрытую пеплом. Бредя позади Генри Уотерса, Амелия заметила среди сучьев брошенный на земле клинок, от которого отразился луч солнца. Это был никакой не клеймор... Всего лишь старая

британская сабля. Такими в Новом Свете уже почти никто не пользовался... Возможно, она лежала здесь со времён войны с французами.

Пастор Уотерс по дороге в лагерь молчал, давая Амелии время собраться с мыслями, успокоиться. Она думала о своей мести. О том, что пришло время изгнать это мерзкое чувство из своего сердца, потому что плата за желание мстить, как известно, слишком высока.

Она подумала о том, первом чудовище, попавшемся ей на пути этой ночью. Дух из прошлого, воин из англичан, чьё время она даже не застала. Если он и был всего лишь олицетворением её глубинных страхов, по крайней мере, его она сразила в одиночку.

На минуту Амелия остановилась и обернулась назад, где на фоне скрюченных деревьев, скрывавших поле сражения, сгорбившись, стояла она. *Тень*. Солнце не могло осветить её, она так и осталась там, среди отголосков ночи. А когда она сняла с головы свой широкий капюшон, Амелия нервно вздохнула.

Рыжие локоны блеснули на фоне чёрного одеяния. Потухшие малахитовые глаза с укором смотрели на неё издалека. Тонкие губы произнесли какие-то слова, но Амелия ничего не слышала.

С горечью подумав о том, что однажды ещё увидится с нею, девушка отвернулась и пошла дальше. Генри Уотерс, конечно, никакой тени не увидел среди тех деревьев. На его

вопрос, что случилось, Амелия ответила глухо:

— Ничего. Там больше ничего нет.

И попросила поскорее отвезти её домой.

Ночью в поселении разразилась настоящая гроза. Ветер бушевал такой, что едва не сорвал вывеску над входом в таверну. К утру, правда, всё поутихло, но тяжёлые тучи с отголосками ливня ещё долго не рассеивались над Антримом.

Джон торопливо шёл в направлении церкви, а время было незадолго до заката. Главную дорогу размыло предостаточно, и, хоть его сапоги и увязали в грязи, шагал молодой человек шустро. Он изредка поглядывал на ветви ближайших деревьев, где, на самых низких, ещё дрожали капли дождя, а крепкие паутинки поблескивали на фоне посветлевшего неба.

Смитт перешёл узкий ручей, обычно неспешный и спокойный, а сейчас насытившийся потоком после бури, срезал путь через холм и у самой церковной ограды убавил шаг. В вечернее время викарий Альберт подметал ступени у входа, а завидев растрёпанного молодого человека в перештопанном распахнутом пальто, скривился и лишь буркнул «добрый вечер» перед тем, как Джон проскочил мимо него внутрь.

В лицо ему тут же ударил тяжёлый запах ладана. И какой-то непривычно гнетущей показалась предночная атмосфера в церкви. Джон лишь спохватился и неловко переkre-

стился. Затем оглядел помещение. Сестра действительно была здесь, как ему подсказали соседи, и сейчас она сидела на втором ряду скамеек перед кафедрой. Рядом больше никого не было, так что Джон выдохнул и поспешил к ней.

— Амелия! Какого дьявола происхо... — чуть было не повысил он голос, но вовремя сдержался на полу фразе. — Где ты была? Я с ног сбился, ищу тебя второй день! Все соседние фермы обошёл, хотел было за констеблем послать, пока мистер Ретмор с нашей лесопилки не попался на пути. Сказал, что увидел тебя с пастором на дороге, и я мигом сюда!

Он отдышался, еле сдерживаясь, чтобы не начать ругаться, и только теперь понял, что что-то не так. Сестра не поднимала головы и не обращала на его взволнованную речь никакого внимания, пока он сам не протянул руку и стянул капюшон, чтобы видеть её.

— Во имя всех святых, что с тобой?

Амелия повернулась к нему и едва заметно улыбнулась. А он увидел, что нижняя губа у неё рассечена, и недавно кровоточила; небольшой синяк на скуле и глубокую царапину на щеке с другой стороны. Мало того, от девушки прямотаки разлило дымом и, наверное, сырой землёй. Её плащ был совершенно испорчен, а волосы, хоть и собраны в косу, спутанные и грязные.

— Что с тобой случилось... — повторил Джон, но уже не вопросом.

Он был ошеломлён, весь гнев мгновенно улетучился. Но

больше всего его поразила эта пугающе мягкая спокойная улыбка на бледном лице сестры. Затем Амелия вдруг протянула руку и погладила его по щеке.

— Вот как я могу вспоминать нашу маму... Просто глядя на тебя... И волосы так скоро посветлели. Ты что, работал без шляпы?

Джон сдержался, чтобы не выругаться. Сердце у него билось часто от осознания, что с ней снова приключилась беда. Беда такой степени, какой прежде не бывало. Он и раньше видел этот неестественно застывший взгляд, напоминавший о признаках помешательства, и юноше стало горько. Мысленно он обругал себя за то, что позволил ей уйти из дому, обругал и Магдалену за её беспечность, а потом произнёс слабым голосом:

— Прости, что мы тогда поругались. Прости, что не был рядом на воскресной службе... Амелия, родная, ну зачем ты пошла к той старой ведьме?

Она вдруг выпрямилась, захлопав глазами так, словно вернулась из глубин долгого сна, а с её больших зелёных глаз спала пелена. Она взглянула на брата так, будто только что очнулась, и он втайне этому обрадовался.

— Откуда ты узнал? Ах! Да-да, погоди! Мегера всё рассказала...

— Именно, рассказала! Она тоже тебя искала! Объезжала часами у южных границ провинции, так как карга старая ей ничего толком не объяснила.

— Она и не должна была, — полушёпотом ответила Амелия. — Она просто... дала мне пару советов. Джон, ты не злился. Я ушла в леса сама. Никто меня не заставлял.

— В леса? — парень нахмурился, затем снова огляделся. — Где этот... как его?

Где церковник? Его тоже не было, да? С ним ушла? Куда? Амелия! Где вы были?

Поскольку он не на шутку разволновался и уже стал наседать на неё с большими расспросами, она всё рассказала. О предсказании Кхолины, о дружественных сенека и их ритуалах. Даже о том, что пастор Уотерс стал посредником в этой встрече. Амелия рассказала о пожаре в ночном лесу, как на неё напал мёртвый англичанин, и она снова убила его. О сражении с изгнанником ленапе, виновном в смерти мистера Брауна и детей, и как едва не погибла, но пастор спас её, затем они вернулись домой.

Джон дослушал до конца, но и тогда оказался не в силах подобрать нужных слов. Мистический ритуал, голоса в лесу, огонь и восставший мертвец! Столько вопросов роем закрутилось у него в голове, и ему хотелось, чтобы Амелия отвечала ясно, не погружаясь снова в замутнённые воспоминания о прошлом. Джон всё думал, буквально убеждал себя в том, что та ночь ей привиделась. Да, видения, не более! Эти сенека просто напоили её чем-то, а негодяй Уотерс этому потакал!

Юноша повертел головой, пытаясь разглядеть пастора у

кафедры или дверцы в исповедальню, но мужчины нигде не было. Несмотря на его зримое отсутствие, у Джона было такое ощущение, что за ними всё же наблюдали. Более того, он был в этом уверен.

— Он мне никогда не нравился, всегда казался странным и каким-то навязчивым, — произнёс Джон недовольным тоном.

Амелия сказала со снисходительной улыбкой:

— Ты его и правда не знаешь. Никто из нас не знает. Он всё же помог мне... Я думаю, он искренен.

— Искренен в своей любви к диким местам? Пастор-охотник и путешественник! — с сухой иронией заметил Джон.

— Нет... я не о том.

— А о чём? — не дождавшись ответа, он мотнул головой, будто пытаясь сбросить навязчивые мысли. — Послушай! Ты хоть осознаёшь, какой опасности себя подвергла? Ты оказалась так далеко! Я мог никогда тебя не найти, слышишь? Я же говорил... Что я буду делать без тебя, Амелия?

Она снова улыбнулась, и её потеплевший взгляд напомнил ему, что сестра до сих пор не способна воспринимать его, как взрослого мужчину. Он давно вырос, но она не может относиться к нему иначе. Это раздражало Джона. Иногда даже было мерзко. И ничего он с этим ощущением не мог поделать.

Именно поэтому, когда она вновь потянулась к нему, он резко увернулся. Вцепившись обеими руками в спинки ска-

меек, чтобы явственно чувствовать хоть какую-то опору, Джон резко выдохнул, будто ему вовсе стало больно говорить, но всё равно произнёс:

— Что бы там ни было, и что бы этот церковник несчастный с тобой не сделал, Амелия, я хочу... нет, я настаиваю, чтобы ты никуда больше с ним не ходила! Чтобы перестала думать о чёртовых ленапе и каких-то там песнопениях в диких лесах! Мне это не нравится, слышишь? Не нравится, что ты так спокойно на это реагируешь... Да ты взгляни на себя! Ты там умереть могла! Дура!

Последние фразы об обронил с едва сдерживаемой яростью, хотя и понимал, что не стоило так вести себя. Не из-за святости места, а потому, что Амелия не виновата в своём безумии. Она всегда была невиновна в том, что видела, слышала и ощущала. И неважно, что думали окружающие. Он и так на её стороне. Поэтому Джон подскочил, прошёлся туда-сюда около минуты, чтобы успокоиться, затем вернулся на место. Амелия всё так же смотрела на него, без тени обиды или осуждения. И это раздражало больше, чем если бы она посмела упрекнуть его.

Она понимала его состояние и приспособливалась к нему. От этой мысли у юноши саднило горло, и какое-то время он не смотрел сестре в лицо. А затем она заговорила тихим голосом, который звучал почему-то тоскливо и беспомощно:

— Ты сомневаешься в том, что я рассказала, и я понимаю это. Ты не веришь, но хотел бы верить, потому что я твоя

сестра, и ты меня любишь... Но, Джон, ты и не обязан верить. Не стыдись того, как расходятся наши миры, как мы смотрим на одни и те же вещи. Мы всё равно останемся семьёй, верно?

Всё, на что он был способен в тот момент — кивнуть да принять её руку, когда Амелия накрыла ладонью его пальцы, сжатые в кулак.

— Было ли то моё путешествие в прошлое реальным или нет — уже не имеет значения. Можно смотреть на него так, а можно сказать, что я всего лишь встретила своего врага в самый подходящий момент, и мы сразились так, как сражаются воины в битвах. А возможно, я всё-таки ушла так далеко, что попала на Вигрид. Помнишь? Ты рассказывал мне.

Джон взглянул на неё, удивлённый и мигом взбудораженный. Нет, она смотрела всё так же осознанно и была серьёзна. Невольно молодой человек кивнул в ответ, не зная, какие слова подобрать.

— Думаешь, во время путешествий я не слушала твои рассказы? — вздохнула она. — А я слушала. *Сыны Муспелля встанут на месте битвы, именуемом Вигрид. Куда придут Фенрир и Мировой Змей, и вместе с Локи, и все неистые великаны за ним, и спутники Хель...*

Джон больно прикусил щёку с внутренней стороны. Он уже и не знал, что думать. Если для его сестры границы реальности и выдумки сотрутся, он даже не поймёт, когда именно. Ему этого не хотелось, не хотелось терять её и тем

более признавать, что она безумна. И слова Мегеры, которая прошлым днём вышла из их дома, саркастично бросив: «Однажды мы все будем скучать по времени, когда немой лорд Стерлинг водил твою сестрицу вокруг пальца!» сейчас эхом отдавались в его сознании.

— Ты считаешь, что видела Вигрид? — упавшим голосом спросил Джон; на что Амелия лишь пожала плечами. — Тогда всё остальное могло быть отголосками битвы во время Рагнарёка... Как тени из прошлого нашей матери, ведь её предки упивались этими легендами, да?

Она кивнула и тепло улыбнулась ему:

— Только подумай, что сказали бы наши соседи, услышь они их: голоса из прошлого, утверждающие, что однажды настанет гибель всех богов... Вот и мне это всё казалось лишь сказками. Однако этот мир сам обрушивает на нас такие кошмары, что, желая скрыться от них подальше, мы ищем убежище даже в самых невероятных историях... Не переживай за меня, милый... Я просто... Я буду в порядке.

Воцарилась тишина, тяжёлая и неловкая. Зато у Джона было время поразмышлять. Может быть, всё действительно не так плохо? Сколько он знал сестру, она всегда наблюдала за миром отлучимо от обычных людей. Когда он мальчишкой вспоминал легенды, рассказанные ещё стариком О'Ниллом, Амелия была среди немногих, кто интересовался историями об огненных великанах или Иггдрасиле. Сестра говорила, что родичи их матери никогда не забывали о своих

корнях. И стоило Джону только вообразить бравых конунгов на их огромных драккарах, рассекающих морские волны, он уносился прочь в свой собственный дивный мир...

Амелия была дочерью своих родителей, как и он. Горячая кровь и впитанный с молоком матери дух воинов — вот их общая суть. И не было смысла разубеждать сестру в том, что именно предстало прошлой ночью перед её глазами. Хочешь не хочешь, а придётся смириться. И если столкновение с ленапе ей хоть как-то помогло...

Джон тяжело вздохнул. Он устал от переживаний, устал даже от размышлений. Амелия заметила его понурый вид и осторожно приобняла брата за плечи. Он попытался улыбнуться через силу, но вышло не очень, а иначе и не получалось.

Он мимолётно заметил, что дело шло к ночи, и напомнил о Магдалене. Как она вся распереживалась и из-за нервозности слегла с мигренью. Амелия тотчас же накинула на голову капюшон и поднялась вместе с братом, напоследок окинув взглядом пустоту церкви.

Позади кафедры мелькнула тень, и колыхнулись огоньки свечей под потолком, но они оба уже были достаточно далеко, чтобы не заметить этого.

Глава 24. Proelium

Восточный вечер шепчет, что король Норвегии, Инге II Бордссон, искал мирных отношений с дворянами, а взяв под

опеку незаконнорождённого сына прошлого короля, положил конец гражданской войне. Хакон IV же позже испортил отношения с

Шотландией и начал войну за Гебриды...

Из дневников Тревора Смитта

К концу сентября 1764 года накалённая из-за переговоров с индейскими племенами ситуация в форте Ниагара и его окрестностях заметно улучшилась. В течение нескольких недель Томас становился свидетелем споров, громких речей, миролюбивых посиделок и подписания примирительных договоров многих сторон. В основном британцев, представителей короны, и племён Квебека вместе с сенека и ирокезами. Руководил всем этим долгим изнурительным процессом хитрый ирландец Уильям Джонсон, чей язык был подвешен больше, чем у самой опытной старой цыганки. Стерлинг и его компаньоны же выступали в роли переводчиков и блюстителей порядка. Фредерик Халсторн, несмотря на жуткую усталость, вёл ежедневные записи и весьма преуспел в бухгалтерских делах. Многие его заметки даже попали в провинциальные газеты.

Два месяца обитатели форта и так называемые гости пребывали в нём, как на иголках, прекрасно осознавая, что одна лишь ошибка — и всему хорошему, что было достигнуто с прошлого декабря, придёт конец. Джонсон изворачивался, как мог, дабы всем угодить, нередко прибегая к советам

Стерлинга. Так, например, по его предложению чиновник обязал сенека выдать враждебных делаверов, взамен пообещав оружие и лекарства, и те согласились.

И вот, пришло время. Совет в Онтарио распустили, чтобы начать подготовку к военной экспедиции на север против остаточных враждебных племён, отказавшихся сотрудничать. На предложение Джонсона поучаствовать Томас ответил категоричным «нет».

— Мне и моим людям обещали помилование и свободу, если мы поможем разгромить французов и уговорить хоть кого-то из потаватоми сотрудничать, — повторил уже не в первый раз он. — Семилетняя война окончена, сэр. Мы сражались, как могли. Что же касается племени... Потаватоми Сен-Жозефа уже в ваших руках. Осталось только убедить их, что французы больше не станут помогать ни им, ни Понтиаку.

— Из вас получился бы хороший дипломат, — с усмешкой сказал на это Джонсон.

Тогда Томас, не задумываясь, с твёрдостью ответил:

— Это неправда, вы мне льстите, потому что последнее время нам везло. Но я ненавижу переговоры и политику короля. Мне нравилось грабить флот Георга, а не сражаться с индейцами для него.

Выслушав его, чиновник положил руку Стерлингу на плечо, похлопал пару раз подружески и произнёс, как можно тише, хотя в кабинете кроме них никого не было: — Вы пре-

красно осознаёте, к чему дело идёт, сэр. Налоги взлетят выше крыш, королевский флот начнёт патрулировать побережье, дабы пресечь неугодные торговые связи... Этот вездесущий контроль через океан скоро всем надоест — и ему придёт конец! Скажу вам по секрету, друг мой... Недалеко уже колониальное восстание и война за независимость... Вот, где ваша репутация сослужила бы конгрессу хорошую службу.

В словах Джонсона была своя правда, и Томас понимал это. Но прежде, чем разгорится новое пламя, ему хотелось поскорее вернуться домой. Если только Фоллинг Спринг можно было назвать домом. Впрочем, вопрос обжитости всегда решаем, были бы средства. А таковые теперь имелись. После переговоров с ирокезами Халсторн провёл удачную сделку с продажей шкур, и Томас начал подумывать о том, чтобы забыть об участке земли в Антриме и переехать с женой в Западную Виргинию, как только конфликт с Понтиаком будет улажен.

С этими на удивление приятными мыслями он покидал форт Ниагара в последние дни сентября. Отряд Стерлинга во главе с ним и незаменимым Альварардо выехал рано утром, а привал они сделали вблизи озера Эри уже под вечер, чтобы пополнить запасы на дорогу длиной в пять дней.

Со своего места на пригорке Томас видел заходящее солнце и кустистые облака над спокойным озером, их отражение в неподвижной воде и шестерых своих сопровождающих

солдат британской армии. Они разбивали лагерь у воды, разводили костёр и болтали, такие молодые, но уже повидавшие многое на полях битв с местными племенами. Солдатам велено было дойти со Стерлингом, Альварадо и Халсторном до границы Антрима на юге, откуда было уже недалеко до Фоллинг Спринг, затем отправиться в Джорджтаун для дальнейшей службы.

От мыслей о предстоящей долгой дороге Томаса отвлёк вернувшийся Фредерик, он только что закончил кормить лошадей вместе с одним из солдат. Мужчина усаживался на свою меховую подстилку возле костра и ворчал, что «молодняк» не умеет обращаться с конской упряжью. Того гляди, мол, останутся они без ездовой силы, с пустой телегой.

Томас взглянул на старого товарища с усмешкой. Халсторн не был воином, заправский моряк из него тоже не получился. Начитанный и скромный, единственный сын старика Скрипа предпочитал кабинеты, пропахшие лампадным маслом, воском, и где воздух был наполнен шелестом страниц очередной учётной книги. Но умел он и приспособливаться, как сделал это во время переговоров, и Стерлинг был бесконечно ему благодарен за то, что, невзирая на череду неудач и невзгод, оставался с ним.

— Какие планы по возвращению в поселение, мистер Халсторн? — спросил

Томас, отложив испанский кортик, который рассматривал в свете костра. — Продолжишь обживать в Антриме? Или

попробуешь себя в Олбани по совету Франклина?

— Мы так долго убегали от размеренной житейской суеты, что я и не задумывался.

Конечно, я предпочёл бы оставаться поближе к нашим людям, Томас. Может быть, в Антриме тоже найдётся для меня работа... Стерлинг хитро прищурился:

— Поближе к нашим людям? Или к нашей несравненной Мегере?

На его неприкрытый намёк Фредерик лишь пожал плечами да почесал тёмную с седыми прожилками бороду, будто засмущался. Оба мужчины тогда засмеялись, и Томас вдруг задумался. Он и сам оброс, давно не брился, и его борода росла, как назло, ключьями и неравномерно. Амелия никогда не обращала на это внимания, но он считал, что это его старит, особенно рядом с красивой молодой женой.

— О ней задумался? — поинтересовался Халсторн.

Томас поднял на него глаза, затем кивнул. Повисла тяжёлая пауза, своя для каждого, и прежде, чем бывший поверенный раскрыл рот, чтобы что-то сказать, со стороны слышались шаркающие шаги, и на свет лагерного костра вышел улыбающийся Эрнан де Альварадо. Кожаный мешок в его руках был мокрый, и пространство вокруг тут же наполнил запах озёрной рыбы.

— Какая красота! Это место ¡fabuloso! — восхищённо заявил он, встав перед огнём на колени. — А вот этого гиганта мне помог выловить один из наших *compañero*. Кажется, это

знаменитый местный лосось с алыми боками.

Он вытащил из мешка и вправду внушительных размеров рыбу и принялся тут же ловко очищать её одним из своих многочисленных миниатюрных клинков, которые повсюду таскал с собой ещё со времени плавания через Атлантику. Альварадо славился не только игривым нравом и искусным владением шпагой, но и умением добиваться от местной фауны самых изысканных даров, где бы он ни путешествовал.

Вскоре, наблюдая за тем, как поджаривается рыба над костром, бывшие пираты завели разговор о возвращении домой, о планах до конца года, даже отшутились, когда испанец настойчиво предложил товарищам по пол кружки выдержанного бренди, который он стащил у офицеров из форта. Томас повеселел, глядя, как Альварадо одной рукой умудрялся переворачивать рыбу, а в другой держал напиток. Даже сейчас, при прохладном ветре, одет он был в излюбленную белую рубашку нараспашку, жилет да алые штаны с широким поясом, в который он, ещё будучи юнцом, прятал украденные у богатеев драгоценности. Привычка таскать чужие золото и бумаги оставалась у испанца и по сей день, и это умение в своё время не раз спасало Диомара от неприятностей.

Так при лунном свете, на фоне темнеющих вдаль вершин деревьев, трое давнишних друзей ударились в воспоминания о прошлом, о разгульной жизни меж двух континентов, о поминках погибших товарищей, за чем незаметно прошло несколько часов. На берегу давно стихли разговоры моло-

дых солдат, кто-то уже похрапывал в тон громкого жужжания водных насекомых. Костёр на пригорке начал затухать, и Томас с трудом уговорил Альварадо поспать хоть до восхода солнца.

Стерлинг развернул свой походный плащ, который использовал в качестве одеяла, уложил голову на седельную сумку и взглянул в усыпанное звёздами небо. Облака посреди ночи расступились, и его усталому взору открылось одно из самых прекрасных явлений, какие только можно повстречать в глуши.

Сколько звёздных карт, сколько сделанных от его руки зарисовок осталось на галеоне, которым пришлось пожертвовать в угоду хороших отношений с британскими колонистами! Почему-то при мысли о кораблях, о бушующих штормах у берегов Гебридов и ледяных туманных ночах посреди чёрной Атлантики у Томаса заныло сердце.

А потом он подумал об Амелии, и с её образом в голове сердце отозвалось частыми ударами и ещё большей болью. Он знал, что подвёл её, как и остальных колонистов. Никакого манящего Запада, никаких зелёных просторов и собственной земли — здесь их всех ждали лишь враги в лице индейцев, французов, британских шпионов и болезней... И Амелии становилось всё хуже.

Стерлинг попытался сбросить эти тяжёлые думы резким кивком головы, затем принялся воображать свою жену. Красивую рыжеволосую бунтарку, какой она была при встрече

с Диомаром. Негодяй-пират зажёг в ней искру страсти и любовь к приключениям, а Томас Стерлинг постарался нежностью и покорностью взрастить привязанность и подарить покой душе. И у них обоих — у него — почти получилось. Почти...

«Когда я вернусь, всё прошлое останется в прошлом, — думал он, закрывая глаза. — Она излечится. Я сделаю это так, как умею. И увезу её подальше от этого ублюдка-пастора...»

Раньше всех после рассвета поднялся Халсторн. Он сразу отметил приближающуюся с севера грозу и разбудил остальных, так что вскоре небольшой отряд двинулся по одному из новейших маршрутов к форту Питт, где их ожидал Анри Буке с вестями об итогах переговоров. Как и прежде бывало, Стерлинг велел Альварадо ехать чуть быстрее, чтобы разведать путь, поскольку они как раз подъезжали к переправе через Бобровую реку, как её прозвали местные из-за множества плотин, и нужно было удостовериться, что восстановленный деревянный мост остался на месте.

Но уже через несколько минут испанец возвратился, поравнялся с конём Томаса и с самым горестным видом произнёс:

— Чёртова погода и чёртова моя голова! Не сердись, приятель, но что-то я не в силах для вылазки сегодня.

— Это тебе за чрезмерную любовь к бутылке, Эрнан, — ответил тот с усмешкой.

— Вот уж не думал, что старый-добрый Диомар когда-то осудит товарища за глоток другой бренди...

— Дело твоё!

— Но у нас в отряде есть и другие смельчаки! Впереди я уже успел разглядеть подъездную к мосту и послал Халсторна дальше, чтобы он, случись что, предупредил выстрелом.

Томас ничего не ответил, лишь кивнул и стал обмахиваться шляпой. Странное дело, но в последнее время он заметил, как резко его бросало в жар. Затем так же резко отпускало. Альварадо отшучивался насчёт его возраста, мол, уже не юноша, вот тело и шалит; Фредерик предполагал, что это был результат усталости и нахождения в форте, когда они безвылазно просиживали в четырёх стенах, спали по пять часов с перерывами и скудно питались, почти без мяса. Несколько крепких мужчин умерли в Ниагара в период с июля по сентябрь, и случилось это быстрее, чем кто-либо смог отреагировать.

Несмотря на жар и частую мигрень, Томас чувствовал себя вполне сносно, и каждый раз, как в мозгу вспыхивал один лишь намёк на страх не вернуться к жене, он настойчиво ругал себя и старался думать о чём-то другом.

Как и теперь в дороге. Пока Халсторн уехал вперёд, скрывшись за деревьями, Стерлинг подводил устные итоги переговоров, чтобы хоть как-то отвлечь солдат и Альварадо от накапывающего дождя. Поначалу ехали они неспешно, но по мере того, как небо затягивалось тучами, отряд при-

ободрился, а лошадей подстегнули прибавить шаг.

— И что же вы думаете, сэр? — спросил один из солдат.
— Сдастся Понтиак со своими людьми или нет?

Томас пожал плечами. Шляпу он снова нахлобучил на голову, затем поправил шейный платок.

— Я бы на месте этих напыщенных офицеров перестал считать, будто победа уже у них в кармане, — произнёс он, чуть подумав. — Я знаю Понтиака. Это упрямый до невозможности человек, и его уважают дружественные племена. Он, скорее, позволит всему лесу погореть, чем уступит хоть треть земли. Это вам не сенека или оттава — Понтиака не купишь пустой болтовнёй о справедливой торговле.

— Вам бы, мистер, вместо полковника Брэдстрита в экспедицию поехать! — воскликнул рядовой с сильным ирландским акцентом.

— Точно! Всё равно никто его не любит! — подхватил его приятель и засмеялся. — Все знают, что он идиот!

Остальные захохотали, принявшись сквернословить и бранить Джона Брэдстрита, известного своей недалёковидностью в понимании конфликта с индейцами. На что Стерлинг громко рявкнул, приказав солдатам умолкнуть и не распускать сплетни о «скудоумии» полковника. Пусть даже его военная репутация и без того подмочена.

Всего через несколько минут отряд повернул из леса и вышел к Бобровой реке, как раз перед мостом, где их и дожидался Халсторн. Мужчина заметил, что погода ухудшилась,

а впрочем, иных препятствий к переправе не наблюдалось. Тогда Стерлинг велел ему продолжать ехать впереди и пустил коня во главе отряда.

— А ведь парни дело говорят, — осмелился заметить Альварado. — Только представь, сколько товаров можно было бы перекупить во время этой поездки. Я уже не говорю о лояльности Гейджа и остального верховного командования. Да нас бы на руках носили, а вам с синьориной тут же отписали плантацию.

— Ты прекрасно знаешь, друг, что я больше не ищу тёмных путей торговли, — Томас даже не взглянул на него из-под шляпы. — Не будь так наивен. Их экспедиция по ту сторону Великих озёр призвана карать племена, а не договариваться с ними. А я устал стрелять в местных, чуть генералы свистнут.

— Даже несмотря на предательство поухатанов? Из-за них мы столько несчастий натерпелись!

— Именно. Даже несмотря на предательство.

— Ну и ну, приятель!.. А Мегера наша права была, говоря, что от прежнего Диомара и следа не осталось... ¡Mierda!

Резкий всплеск на воде под мостом заставил Томаса отвлечься в тот самый момент, когда Эрнан де Альварado выкрикнул столь внезапно последнее ругательство. Несмотря на то, что всё последующее случилось быстро для каждого, кто оказался на том мосту, в глазах Томаса увиденное будто превратилось в жуткую размазанную картинку на фоне уны-

лого серого утра и такого же серого леса.

Конь под ним встал на дыбы, но не из-за крика испанца. Стерлинг ухватился за поводья и крепче сжал бёдра, стараясь не соскользнуть, и вот тогда он умудрился взглянуть назад. В бок коня, возле самой ноги, вонзилась стрела. Засевшая глубоко, она причинила боль несчастному животному, заставив его взбрыкнуть с визгливым ржанием, и на миг Томас успел подумать лишь: «Проклятье!»

Конь всё-таки сбросил его, когда вторая стрела угодила в круп. Удар был настолько сильный, что при падении Томас ощутил, коснувшись рукой, вибрацию под толстой шкурой лошади. Через пару мгновений подстреленное животное метнулось прочь и сбегало на другую сторону моста. И вот тогда, оказавшись внизу, где его едва не затоптал раненный конь, Стерлинг осознал масштаб нападения. Вокруг царила паника, потому что двое солдат были убиты мгновенно. Они лежали рядом, истекающие кровью. У одного всё ещё подёргивалась неестественно вывернутая рука.

Оставшиеся же принялись отстреливаться, кто-как мог, когда из лесу, из тёмной чащи, которую отряд проезжал буквально несколько минут назад, высыпали десятка два индейцев. Двое солдат имели при себе мушкеты браун-бесс, двое других — винтовки, что, увы, ничуть не помогало положению. Солдаты были открыты обстрелу, оружию требовалась длительная перезарядка, а индейцев защищали стволы деревьев.

В этом внезапном шуме и дыме, заполонившем пространство, Томас едва сообразил поискать Альварадо. Мужчина лёг на бок и поспешно бросил взгляд в сторону. Тут-то он и увидел испанца. Эрнан лежал у самого края, подмятый своей мёртвой лошадью, подстреленной в шею.

Томас не мог разглядеть лица товарища, как ни старался. На его возгласы и мольбы пошевелиться Альварадо так и не отреагировал. Тогда, выкрикнув ругательства, Стерлинг попытался приподняться. Казалось, что сердце у него колотилось о самые рёбра, а из-за сбитого дыхания он даже сообщал хуже. И всё же рукой он дотянулся до трупа ирландца и выдернул из-под него мушкет.

Он увернулся от стрелы, метившей ему в спину, буквально за секунду. С берега слышались крики — резвые, грубые, полоумные — и Томасу показалось, будто он узнал речь onötowaka.

— Какого дьявола сенека делают в этом месте?! — закричал он, вскакивая на ноги.

Но ответить было некому. Ещё одного солдата ранили, и, стоило Стерлингу взглянуть на берег, он понял: индейцы не выпустят их с этого моста живыми. Если попытаться бежать — стрелы полетят в спины. А здесь, на переправе, они остались как на раскрытой ладони.

Он впопыхах старался зарядить мушкет, но руки дрожали, и тогда он впервые понастоящему испугался. Это была ловушка, и Альварадо погиб. Когда стрела с чёрно-белым пе-

ром на конце угодила Томасу под правую ключицу, он зарычал от боли сквозь стиснутые зубы. Тело повело назад, и он едва не свалился. Подняв глаза, он вдруг увидел

спешащего с другой стороны переправы Халсторна. Бедняга был бледным и всклокоченным, и был поражён тому, что увидел, ведь он отъехал достаточно далеко, чтобы не заметить нападения.

— Нет! Фредерик! Назад! — закричал не своим голосом Стерлинг, схватившись за стрелу. — Назад, болван! Прочь!!! Беги!

Как он хотел, чтобы Халсторн внял его мольбе! Как бы он желал, чтобы хоть кто-то спасся! Но Томас не мог видеть, повернул ли тот назад, на юго-запад, или ринулся в одиночку в гущу засады, потому что тут же к его ногам пал молоденький рядовой с пронзённым горлом, и Стерлинг зашипел от злости и обиды. Он попался так быстро и так нелепо! Словно вернулся на пять лет назад, когда старый вождь прогнал его колонию со своих земель, отправив на тот свет в отместку за невыполненные условия нескольких человек...

И тогда он бежал вместе с ними, опозоренный и разорённый. Преследуемый с восточного побережья, гонимый с западных земель вдали от Аллеганских гор — нигде им не было ни дома, ни покоя! И ради чего всё? Ради чего грабежи, убийства, ложь и ненависть?

Племя приближалось к мосту, он знал это по их крикам и топоту десятков ног. Скоро, кажется, всё кончится!

— Амелия моя... — произнёс Томас на выдохе, чувствуя, как кровь заливала пальцы.

Он попытался развернуться, чтобы бежать, но только споткнулся о свою же ногу и рухнул в ледяную воду реки, так и не узнав, что напавшие из леса воины зарубили ещё троих несчастных солдат топорами. Когда перед глазами замельтешили пузыри, а в нос ударил резкий холодный поток, Томас подумал лишь, что сейчас задохнётся. Нутро обожгло от боли, и вода перед его взором вдруг окрасилась красным.

Что-то большое нависло над ним, когда Томас попытался всплыть. Ему удалось вырваться на поверхность и с жадностью глотнуть желанный воздух. Здесь он и увидел двоих полуголых индейцев в каноэ, которое всё это время стояло под мостом. И пока над ними продолжалась бойня, эти двое — взъерошенные, с чёрными выпученными глазами — словно настороженные вороны ожидали своего часа.

Томас не успел нырнуть обратно, заметив у одного из них в руках ружьё. Воин с чубом на голове и выкрашенным в алую краску лицом прицелился и выстрелил, прошипев что-то гневное на своём языке.

Река поглотила ещё больше крови. Крови ирландцев, шотландцев, кого-то ещё. Кровь Томаса Стерлинга — сына лорда Эндрю Стерлинга из прошлой жизни, а после пирата, путешественника и убийцы — смешалась с общим потоком, уносившим их всех далекодалеко, за пределы этого мира.

За границы тепла и холода. Дня и ночи. Покоя и боли.

Навсегда прочь...

Джон был искренне рад, что его сестра осталась дома и не поехала в Шиппенсберг, где, указом Генеральной Ассамблеи провинции Пенсильвания, были казнены трое делавеловленепе, обвинённых в массовом убийстве детей и учителя в школе Эноха Брауна. Жестокую расправу над Сюзан Каннингем также повесили на них, несмотря на то, что под пытками индейцы не проронили ни слова. Хотя, сей факт, скорее, сыграл против них. Если какой-то факт в их защиту вообще имел вес...

Это был последний день сентября — мрачный, но тёплый, когда в воздухе витали смешанные запахи смолы и влажной травы. Джон, несколько его приятелей и многочисленные родственники из семей Кинг, Каннингемов, МакКалоу и так далее, прибыли в поселение Шиппенсберг рано утром. Дорога на телегах занимала часа два, не больше, и в целом всё мероприятие могло окончиться за день, однако сразу после казни на площади губернатор Джон Пенн громогласно объявил о восстановлении охоты за скальпами враждебных индейцев, что вызвало настоящую бурю негодования в собравшейся толпе. Поскольку в Шиппенсберге почти треть населения составляли перешедшие в христианство шауни, мгновенно вспыхнувшее недовольство среди зевак сразу переросло в драку между согласными и теми, кто был против указа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.